

Демон

Автор:

[Евгений Щепетнов](#)

Демон

Евгений Владимирович Щепетнов

Звереныш #3Новый фантастический боевик (Эксмо)

Это третья книга об Адрусе – Щенке, Звереныше и Звере. Он отомстил тем, кто разрушил его жизнь, убил родителей и сделал из домашнего мальчика жестокую машину для убийства, – и потерял память. Он не помнит своего имени, не помнит, кто он такой. Подземные тоннели и четвероногий друг Рагх из племени разумных собак – вот его нынешняя жизнь.

Как сложится его судьба? Кем он станет, потеряв свою жестокую сущность? Вернутся ли к нему прежние умения? Знают только боги.

А над землей, в небесной лазури, проплывают драконы – прекрасные, как огромные летающие цветы! Шумят чужие города, суетятся люди – добрые и злые, плохие и хорошие. Прошло время, и мало кто уже помнит о Звере, убийце Императора и его семьи.

И горе тем, кто пробудит в нем прежнего Мастера Смерти!

Евгений Щепетнов

Демон

© Щепетнов В., 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

Глава 1

- Должен уйти! – Картинка: человек шагает под солнцем.

- Причина? – Картинка: трясущийся гарм.

- Да! Да! – Картинка: белоснежный гарм с вытаращенными глазами и слюнями, текущими из пасти. Идиот.

Фырчание, рык, шлепок. Ответный рык, демонстративное движение, будто закапываются нечистоты.

Молчание. Журчание подземного ручья, потом легкое похрустывание и чавканье. Фырчанье и толчок плечом.

- Не сердись! – Картинка: белый гарм лижет черному морду.

- Всегда – оскорбления! Всегда – болтовня, прежде чем выслушать!

Тишина. Журчание ручья. Фырчанье, кашель-смех.

- Ты коварная, хитрая, как... как...

- Человек? – Картинка: звероподобный мужчина с черными гнилыми зубами.

- Да. Но хватит пустой болтовни! Щенок должен уйти к своему племени. Должен! Во-первых, каждое существо должно жить со своей стаей, ты это прекрасно знаешь. Иначе оно сходит с ума. А я не хочу, чтобы рядом с нашим сыном бегал ненормальный человек! – Картинка: звероподобный худой человек с

оскаленными зубами. – И вообще – никакой человек! Этим существам нельзя верить. Второе проистекает из первого – он опасен и плохо действует на нашего сына! Сынок может очеловечиться! Ты представляешь, что тогда будет? – Картинка: пятнистый, почти черный гарм с человеческой головой и руками вместо лап.

– А знаешь, иногда я думаю, что нашему роду нужно слегка очеловечиться. Может, тогда мы выживем. Нас уже загнали в пещеры, и мы выходим только ночью! Мы проиграли битву с людьми! Ты не задумывался почему? Уверена – нет! Ты и остальные Старшие закоснели в своих догмах, вы не меняетесь! А мир меняется. Все меняется! Только вы этого не понимаете. И вот теперь у нас появилась возможность понаблюдать за человеком, и что вы делаете? Вы изгоняете его! Это ведь Совет Старших, да? Это не твое мнение?

– И мое тоже! – Картинка: пятеро гармов, черных, как ночь в пещере на пятом уровне. Лежат в кружок. Один сидит. – Мы обсудили положение и пришли к выводу – Щенку нужно уйти! Что ты фыркаешь – мы же не убиваем его! Мы помним, что он спас жизнь одному из нас!

– Одному из нас?! Нашему сыну, ты еще не забыл, что у нас есть сын? И благодаря кому?! Забыл?! Мы, гармы, неблагодарные. Как люди. И так же жестоки.

Молчание. Фырканье.

– Я все прекрасно помню. И только потому он до сих пор жив. Племя помнит. И кстати, наш сын ему уже отплатил! Он его вылечил, не забыла? А потом выхаживал, кормил его! И ты кормила! Мы ему ничего не должны. Щенок бежит с нашим сыном уже более четырехсот ночей. Он здоров, если не считать...

– Если не считать того, что ты превратил его в полуидиота, да?

– Что за глупости? Все его реакции в норме, более того – он невероятно, нечеловечески быстр! Я тебе больше скажу – он быстрее, чем самый быстрый из нас. Иногда. Я не пойму, как это действует, но иногда он будто становится нечеловеком. И я знаю, что с ним не справлюсь. И вряд ли кто-то из нас справится. Даже с помощью магии.

– И потому ты закрыл его воспоминания? Щенок не помнит, кто он такой! Кем был среди людей, откуда пришел и вообще – что с ним случилось!

– Я не закрывал. Я вообще почти не могу войти в его мозг. Мне жаль. Если бы я мог это сделать, все было бы гораздо проще. Он сам закрыл свой мозг. Закопал воспоминания в дальние норы. Возможно, это случилось при лечении. Рагх говорил, что организм Щенка был отравлен каким-то ядом. Возможно, этот яд и закрыл воспоминания, я не знаю. Если я попробую войти к нему в сознание, то его мозг может быть поврежден. Да, и кроме того, назови хоть одну причину, почему я должен это сделать?

– Назову. Вы вытаскиваете Щенка в жестокий мир, одного, без памяти. Он только и может, что бегать вместе с Рагхом да спать.

– Как думаешь, каков его возраст?

– Судя по строению тела, от шестнадцати до двадцати циклов, не больше. Я слабо разбираюсь в строении людей, но, скорее всего, он уже достаточно взрослый, чтобы размножаться, но недостаточно умный, чтобы завести свою самку. Он чуть старше нашего сына.

– Он обладает магическими способностями, ты знаешь?

– Ффыххх! – кашель-смех.

– Как бы он мог общаться Правильной Речью, если б не обладал магическими способностями?! Кстати, еще проблема – он больше цикла не общался человеческой речью, разучился. Как Щенок сможет войти в свою Стаю? Ты думал над этим?

– Послушай меня! Это ЕГО проблемы! Это НЕ НАШИ проблемы! Совет принял решение, и Щенок должен уйти! Хочешь помочь – расскажи ему все, что знаешь о мире людей. У тебя неделя, потом он уйдет, или...

– Или вы убьете его?! Старые облезлые крысы! Ушла бы и я от вас, да не знаю, куда идти! О Великий Гарм! Почему ты лишил разума этих идиотов!

– Имеешь в виду себя и нашего сына, который привел в Стаю врага племени? Ты что, забыла, кто такие люди и сколько гармов погибло от их руки?! Моего прадеда убили люди. И бабушку. Ты знаешь, что у тебя очень красивая шкура? Люди любят шить из таких шкур...

– Замолчи... противно. Две недели! Мне нужны две недели, и я постараюсь подготовить Щенка к Миру! Мы постараемся.

– Хорошо. – Картинка: оскалившийся в улыбке черный гарм, лижущий морду белоснежному, прогнувшему спину. – Дам тебе даже больше – целых две недели! Иди сюда, любимая... ну?

– Коварный! Это я сказала про две недели! Ты смеешься надо мной! Я вижу сквозь твою стену!

– Ты всегда была сильна... – Картинка: оскалившийся в смехе гарм, валяющийся на спине и молотящий по воздуху лапами. – Ну все, все, иди ко мне, моя самка! Ты самая лучшая, самая красивая... самая умная! И самая коварная... Фффыххх...

* * *

Черный сгусток метнулся из темноты тоннеля, бесшумный, неотвратимый, как судьба. Прыжок! И жертва едва не повержена. Именно – едва, потому что непостижимым образом светлая фигура извернулась, выгнулась, пропуская над собой черную смерть, и соперник с рыком разочарования и некрасивым «шлеп!» – врезался в стену.

– Ты грязная жаба! – Картинка: жаба, вся в бородавках и слизи. – Ты проклятый мерзкий-мерзкий кал, протухший в теплом месте и весь червивый! Ты бледный червяк, вылезший из земли! Я на тебя плюю и даже испражняюсь! – Картинка: гарм, задравший хвост перед фигурой жабообразного человека. – Ну почему, почему я никогда не могу тебя застать врасплох?! Жабья свинья! – Картинка: туловище свиньи, жабы лапы.

– Потому что ты жирный свин, у которого вообще нет лап – их отъели червяки, вылезшие из его глупого мозга!

– Тьфу! Гадость какая! Ведь только люди могут придумать такую пакость! Ну какой у вас, людей, извращенный разум!

Человек сел у стены на сухое место, обхватил руками колени, задумался...

– Не знаю, Рагх...

– Чего не знаешь, мой коварный брат?

– Какой разум, не знаю. Вообще ничего не знаю. – Волна печали. Картинка: тоннели, чернота и ночное звездное небо. – Ничего не помню. Кто я, откуда, зачем... Помню тебя, помню твоих родителей. Других твоих соплеменников помню – знаю, что они меня ненавидят за то, что им якобы сделала моя стая. А больше ничего не помню. Почему – не знаю. Только не надо мне снова рассказывать, что ты нашел меня в подземелье, что я умирал, отравленный каким-то ядом, что ты меня вылечил, а потому... бла-бла-бла... Это мы с тобой обсуждали сотни раз. Толку-то... все равно вспомнить не могу.

– А все почему?! Потому что мясо не ешь! Разве можно питаться одними корнями и фруктами?! Для разнообразия можно, да, пусть не каждый день! Разве что-то может сравниться с теплым кровавым мясом?!

– Не могу, друг... противно. Ничего не могу с собой поделать. Все-таки я не из вашего племени... хотя вначале думал, что из вашего. А может, я случайно оказался в этом теле, а на самом деле ваш? Как думаешь?

– Сомневаюсь. Не слышал о переселении душ. Но вообще странно, конечно. Ты даже видишь в темноте, как мы! Мама говорит, что, возможно, мы с тобой обменялись кровью – может, когда ты меня спасал, а может, когда я тебя спасал илизывал твои раны. Кровь обладает магией, ты же знаешь... я тебе уже говорил, да. И теперь у тебя есть магия. Не такая, как у нас, – но магия. Ты видишь в темноте, и, похоже, лучше меня. Ты быстрый, такой быстрый, что мне и не снилось. Ты сильный, очень сильный! Такой сильный, что сам не сознаешь своей силы. Ты знаешь, что мои соплеменники тебя боятся?

– Знаю... – Картинка: человек плачет, катятся слезы. – И не понимаю – почему? Я ведь никого не обидел, ни больших, ни маленьких гармов. За что меня так не любят?

– Глупый вопрос! Я же тебе уже рассказывал, как мы с тобой встретились! Люди меня топтали ногами! Ни за что! Просто увидели, как я вылез на свет, и начали бить! За что?! Если бы не ты, не было бы теперь меня. Они сняли бы шкуру и сделали из нее... не знаю что, но сделали бы. Ты их всех побил, разогнал, а меня полечил. Ты был магом. И сильным магом. А потом я увидел тебя в подземелье, умирающего, отравленного. Фххх... но я это уже рассказывал сто раз! Ты хороший, ты наш. Я говорил соплеменникам, что ты хороший... но они только фыркают и рычат. На прошлой неделе пришлось подраться – этот проклятый Рех начал говорить про тебя гадости, говорить, что нападет и перекусит тебе глотку. Я его высмеял, он напал, пришлось дать ему трепку. Скандал был! Рех – сын Старшего, как и я. Если бы не это... кроме того, он напал первым. Но мне поставили в вину, что я дрался из-за тебя, «ничтожного человека». Печально.

– Мне горько и больно, ведь я вас люблю! Вы мое племя! Я не знаю, кто такие люди и чего от них ждать! Я вообще ничего не помню, Рагх. Ни имени своего, ни откуда я взялся. За что меня так ненавидят и боятся?

– За то, что ты из чужого, враждебного племени. И я бы тебя ненавидел, но как могу ненавидеть, если ты меня спас? Если мы с тобой обменялись кровью?

– Так странно... я не помню, кто я, откуда, но помню слова. Помню, что надо есть, пить и... делать все остальное. Как так может быть?

– Я не знаю, друг... мама говорит, что твой мозг мог быть испорчен ядом, который я из тебя выгнал. Выгнать-то выгнал, но сколько времени он был в тебе? Какой вред успел нанести?

Рагх подошел к человеку, лег рядом, прижался сильным, упругим боком. За год гарм возмужал, из небольшого щенка превратился в крепкого, сильного зверя, способного одним движением могучих челюстей перекусить человеческую ногу. Кроме того, он умел сбивать с ног ментальным ударом, оглушая жертву, заставляя ее потерять сознание или замереть на месте.

Но ментальные удары почему-то не действовали на этого человека. Хотя Щенок и ощущал, что кто-то направляет на него поток силы. Ментальный удар вызывал у Щенка зуд и жар, желание почесаться, не более того.

И в этом месяце он ощущал такое желание не менее трех раз. Кто-то пытался его оглушить, чтобы затем... а что затем? Уж наверное, не погладить по макушке и не дать сочный фрукт!

Они молчали. Думали каждый о своем, закрывшись ментальной стеной. Устанавливать такую стену – первое, чему научился Щенок у своего четвероногого друга-брата. Кидать мысли в пространство – глупо, опасно и просто невежливо. Зачем окружающим слышать твои мыслишки? О том, как у тебя чешется задница или что тебе хочется сходить по грязным делишкам? У каждого есть свои тайные привычки и дела, о которых совсем не требуется извещать весь мир.

– Я с тобой уйду!

Человек на секунду замер, потом тихонько похлопал рукой по теплому боку друга:

– Нет. Не уйдешь. Это не твое дело.

Гарм обиженно засопел, и человек примиряюще сказал:

– Прости. Ты не понял, или я неправильно сказал. Это и твое дело, да, но я считаю, что ты не должен рисковать собой ради меня. Опять плохо сказал... не могу тебе сказать как следует! Трудно. Мысли разбегаются...

– Еще бы. Мы учимся Правильной Речи с той секунды, когда у нас открываются глаза. И даже раньше. Притом ты ведь человек, а не гарм. Ты многого не умеешь. Например, ментальный удар у тебя не получается. Ну... почти не получается! Я чувствую, как ты бьешь, но это равносильно тому, что ты помочился мне на хвост! Хе-хе-хе... Опять же – мы с самого щенячьего возраста этому учимся! А ты хочешь обучиться этому чуть больше, чем за цикл?

– Год... у нас это называется – год, – задумчиво сказал человек и почесал ободранную коленку. – Странно, почему мне не холодно? Ты в теплой шкуре, а я голый, и мне не холодно!

– Тут не так уж и холодно! Фффыххх! И мама говорит, что у тебя температура тела выше, чем даже у нас. Тебя кровь греет. И за счет этого ты такой быстрый. И такой худой. Ни капельки жира! А жрешь, как олень, не евший неделю! Ну почему, почему ты не ешь мяса?! Ну как так можно?! У тебя же есть клыки, я видел! И люди ведь убивают ради мяса!

– Не знаю, почему не ем, но мне кажется неправильным есть сырое мясо. Его надо как-то сунуть в огонь, а потом уже есть. Ты же сам говорил – люди так делают. Значит, так и надо. А вы мне не позволяете развести огонь!

– Огонь – нельзя! Табу! – Картинка: толпа гармов и растерзанный человек рядом с костром. – Нельзя! Запрещено! Брр! Скажешь же... это главный враг гармов и друг человека! Огонь! Видишь, у тебя все-таки проявляется человеческое! Почему-то все люди очень любят огонь!

– Огонь... очаг... котел... похлебка... женщина... Я не знаю, что это за слова, но, когда говорю их, обдает холодом. Почему-то это очень важно для меня! Твоя мама сказала, что я когда-нибудь все вспомню. И что, возможно, Старейшины именно этого и боятся.

– Да, она мне говорила. И еще сказала, что твоя одежда, та, в которой ты пришел сюда, лежит в нашей норе. Она ее вытащила из тайника и хочет отдать тебе. Чтобы тебе было в чем идти к людям. Вы же не ходите голые, только одетые! Непонятно почему... как будто в теле есть что-то постыдное, такое, что вас оскорбляет! Так зачем тогда ЭТО носить? Может, отгрызть все постыдное да выбросить?

Гарм фыркнул, дружески ткнул носом человека, тот поежился от прикосновения холодного, мокрого «нюхала», и тогда гарм радостно фыркнул:

– Вставай, мой брат Щенок! Бежим к маме! Кто первый?!

Он вскочил и заскакал на месте:

– Ну! Давай, увалень двуногий! Жаба ты бледная! Кто первый?!

– Ты, какашка четырехногая! – Человек радостно расхохотался, и его смех в темноте тоннеля прозвучал странно. – Я тут и так сгибаюсь чуть не вдвое, а ты бежишь нарочно там, где только на четвереньках ползти! Тебе не кажется, что это несправедливо?!

– Ффыххх! Ничего подобного! Каждый использует те способности, которые имеет! Опускайся на четвереньки, как все нормальные существа! Нечего вышагивать на двух ногах, ветка ты засохшая!

– Ах так?! – человек вдруг бросился на живот, мгновенно ухватил гарма за задние лапы – с такой скоростью, что тот лишь успел взвизгнуть. – А вот теперь пошли! Ты на передних лапах, а я тебя подержу за задние! И все будет замечательно!

– Ах ты коварный человеческий червяк! Ах ты гад бородавчатый! – Картинка: жаба с головой Щенка. – Это уж точно нечестно!

– А кто только что сказал, что можно использовать все имеющиеся способности?! Вот я и использую! Шагай, шагай, мохнатая куча нечистот!

Они, хохоча и фыркая, прошли несколько шагов, потом человек выпустил гарма, и двое друзей умчались в глубину тоннелей, толкаясь, обзывая друг друга страшными гадкими прозвищами и радостно смеясь. Завтра, возможно, навалятся неприятности, завтра будут проблемы, но... это будет завтра. А пока – им хорошо, они счастливы, как все подростки, которые уверены в собственном бессмертии и которые готовы на любые безрассудства ради своей прихоти или ради настоящих друзей, настоящих – какие бывают только в счастливом детстве...

Тень в одном из небольших ответвлений тоннеля замерцала почти незаметно глазу, в главный ход шагнул крупный, массивный самец. Он медленно поводит лобастой головой, фыркнул, будто неприятный запах забил ему ноздри, потом подошел туда, где недавно сидели человек и гарм, и со злорадным видом помочился на это место. Презрительно поскреб лапами, будто закапывая свое «произведение», еще раз фыркнул и так же бесшумно, как и вышел, удалился прочь.

Он очень надеялся, что Щенок откажется уходить. Хотелось ощутить вкус крови человека! Не убив ни одного двуногого – как можно стать настоящим гармом?! Племя выродилось, стало малочисленным именно потому, что гармы не хотели как следует воевать! Нужно было уничтожать всех людей подряд! Взрослых самцов, самок, щенков – всех, кто попался на дороге! Только так можно освободить место для жизни! Только так можно зажить полноценной жизнью, а не жизнью червей, загнанных под землю!

Ну, ничего... молодежь еще покажет себя! Молодые гармы – не старые облезлые псы вроде Старейшин и их прихвостней! Людей нужно убивать, и как можно больше. Наступит день! И люди будут скулить от боли!

Но нет жалости у тех, кто борется за свою жизнь, за жизнь своего племени! Зуб за зуб!

* * *

– Да, в этом ты был, когда мы тебя нашли. Я нашел!

– А кто меня раздел?

– Ты сам. Тебе сказали, чтобы разделся, ты и разделся. В одежде ведь плохо испражняться. Ты попробовал – и не вышло. Совсем ничего не вышло! Все тут! Ффыххх... фффыххх! Ох и вонючие же вы, люди! Как это еще мама сохранила такую вонючую кучу!

– В дальней пещере сохранила, – пояснила зверица. – За цикл слегка выветрилось, но и правда дышать трудно. Нужно как-то избавиться от запаха. А вот смотри, что еще у тебя было...

Зверица толкнула носом странный обруч – блестящий, желтый, украшенный разноцветными глазками из камней.

– Вот это лежало рядом с тобой. Не помнишь, что это?

Человек медленно коснулся обруча и вдруг заметно вздрогнул, заволновался, отдернул руку, прижал ее к глазам:

– Не могу! Нехорошо! Это – плохо! Мне неприятно к ней прикасаться! С ней связаны какие-то гадкие, плохие воспоминания! Не хочу! Нет!

– Почему «к ней»? – удивился гарм. – Разве это женского рода? Как это называется?

– Корона. Это корона! Больше ничего не помню. Ничего. И она плохая!

– Может, выкинуть ее? – Небольшой черный гарм с еще различимыми пятнами двинул обруч лапой, и блестящий предмет покатился, ударившись о стену. – Гадость нужно закапывать! Дерьмо всякое!

– В ней есть магия... – Белоснежная фигура поднялась, медленно прошла к короне и постояла на ней секунд пять. Потом повернула голову к сыну и его другу, задумчиво сказала: – Я спрячу... корону. Вдруг, когда ты о ней вспомнишь, этот магический предмет станет тебе очень нужен. И тогда ты вернешься и заберешь его. Нельзя разбрасываться магией! Что касается одежды – выполощи ее в ручье и высуши. Она все равно будет вонять, но не так сильно. В ней еще что-то спрятано, какие-то предметы, но я не смогла заставить себя копаться в такой грязи. Тебе стоит сделать это самому.

Щенок взял в руки бесформенный ком тряпья, сморщил нос и с некоторой опаской сунул руку внутрь, нашаривая и вытаскивая предметы, которые укрывались в многочисленных потайных карманах. А их было десятка два, не меньше. Через пару минут на полу пещеры лежала внушительная горка странных изделий человеческих рук: стеклянные и глиняные пузырьки, в которых что-то булькало и тихо шуршало, пересыпаясь.

Несколько звездочек с острыми краями, на лучах которых виднелись темные разводы. Длинной в полторы ладони острый, похожий на рыбку предмет – он был укреплен в одном из петельных гнезд – там, где затылок.

Еще более странная штука – длинный блестящий шип, вставленный в деревянную простую рукоять. Этот шип был укрыт в длинном чехле, будто плод в шкурке, и, когда Щенок открыл его для осмотра, стали видны черные разводы в канавке вдоль шипа. Гарм хотел посмотреть поближе, ткнуться в него носом, понюхать, но Щенок оттолкнул друга и с ужасом в голосе вскрикнул:

- Нет! Нельзя! Я знаю – это отравлено! Смертельно! Нельзя дотрагиваться!

Белошкурая самка гарма вздохнула, покачала головой, думая о том, что муж жестоко ошибался, думая, что блокада мозга Щенка скорее всего продержится до самой его смерти. А может, наоборот, соврал? Как раз это он и знал? Знал, что в конце концов Щенок вспомнит все – кем был и что делал в этом мире? Потому муж и боялся? И правда ли, что стена в мозгу Щенка образовалась сама по себе?

Да, вряд ли этот мальчишка занимался чем-то мирным. Хотя на его теле не осталось шрамов – кроме одного, над сердцем, – видно, что парень знает толк в убийстве. Вон как уверенно взял в руки свое оружие, как ловко перемещает его из руки в руку. Помнят руки!

- А это что за кругляшки? Это не опасно? – Гарм понюхал стопку светлых и коричневых металлических кругляшков, один желтый, маленький, и, удовлетворенно кивнув, заметил: – А я знаю, где есть много таких желтых штук! Они пахнут так же! Только не плоские и круглые, а камешками, как и положено. Они лежат в подземном ручье. Много, дно блестит от камней! И зачем ты их таскаешь?

- Это деньги, – пожал плечами смущенный человек. – Я знаю, что их надо кому-то отдать, и за это тебе дадут еды. У меня в голове мелькают обрывки воспоминаний: строения из камней и дерева, много, очень много людей, все кричат, шумят. Угли, на которых жарится мясо, и его можно есть – надо только отдать вот этих кругляшков, и все. Знаю, что вот этот желтый дороже всех, что светлые – не такие дорогие. А коричневые вообще не очень ценятся, но тоже нужны. Откуда знаю? Не могу сказать. Всплывает что-то в голове, и все.

- А почему у нас нет денег? Почему нет этих предметов? – задумчиво спросил юный гарм, и мать тут же откликнулась длинным фырком:

- Фффыыххх! Зачем нам это? Мы совершеннее, чем люди! Отбери у них эти предметы – что будут делать? Как жить? Даже зубы их не приспособлены, чтобы есть свежее вкусное мясо! Хилые лапы не могут копать норы, где можно укрыться от непогоды и неприятеля! Они не владеют ментальным ударом, они не могут двигаться с такой скоростью, какой обладаем мы!

Молодой гарм потрогал лапой рыбкообразный стальной клинок и со вздохом сказал:

– Не хотел бы я получить такую занозу в зад! Мне бы это точно не понравилось! Мам, может, как-то все-таки можно сделать, чтобы Щенок не уходил? Он ведь ничего плохого не сделал, он добрый! Он даже убивать не может! Одну траву ест, как древесный нугус! Его мутит от крови! А вы ему приписываете жажду убийства! Это неправильно!

– Мы приписываем? – фыркнула мать. – Ты посмотри, что он носил с собой! Уверена – все эти предметы для того, чтобы убивать! Он был убийцей! Точно! От этих предметов пахнет кровью!

– Я был убийцей? – Человек вздохнул и взял в руки узел. – Пойду-ка выполоскаю. И правда, запах – аж дышать трудно. Рагх, ты со мной?

– Конечно. Там еще водятся такие вкусные безглазые рыбки, прозрачные, но очень вкусные, да. Давно я их не ел. Если только вонь из твоей шкуры не отпугнет этих рыбок!

Юноши вышли из пещеры, и самка гарма осталась одна. Она подошла к сухому, возвышающемуся над полом пещеры ложу, улеглась, положив голову на слегка кривые, украшенные мощными когтями лапы. Замерла.

Ей было не по себе. В последние дни события разворачиваются вскачь, катастрофически – нападки на Щенка, который больше цикла до того спокойно бегал по тоннелям и никому не был нужен. Все говорили: «Ну бегают и бегают! Завели себе зверюшку – и пусть!» И вдруг кто-то будто раздвинул туман, павший на глаза соплеменников. Они увидели, что «зверюшка» на самом деле – человек! Враг!

Начали доходить слухи, будто кто-то охотится на людей, вылезая по ночам и даже – о ужас! – днем, грозя этим привлечь внимание бывших врагов, уже почти забывших о существовании гармов!

Политика племени в последнюю сотню лет всегда была такова: «Будь незаметным, тихим, выходи только ночью и не трогай людей! Их слишком много, а потому – нельзя навлекать опасность на все племя». И что теперь происходит?

Выросло поколение молодых, не помнящих прошлого и при этом очень агрессивных, сильных, злобных щенков! И они начали мутить воду! Гармы растут быстро, взрослеют, обретая взрослое тело при разуме щенка, вот и результат.

Глупцы! Племя гармов слишком мало, чтобы состязаться с людьми в силе и коварстве! Даже если бы четвероногих была хотя бы половина от количества людей, и то не факт, что гармы смогли бы победить! Люди изобретательны, коварны и размножаются как крысы. В отличие от гармов, у которых в большинстве своем один щенок на одну самку за всю ее жизнь.

Мудрецы племени говорили: так сделала природа – чтобы гармов не было слишком много, чтобы они не заполнили весь мир, чтобы между ними не было войн, как у людей, грызущих друг друга за клочок земли, за место под солнцем.

Если бы можно было сделать так, чтобы гармы рождались чаще! Даже два щенка на самку – большая редкость! Чтобы родить второго, нужно, чтобы погиб первый. И только тогда включается механизм оплодотворения. Только тогда можно зачать нового щенка.

Самка фыркнула, потрянула головой – нет уж! Рагх... любовь, надежда, весь смысл жизни! Умнейший, красивейший, самый лучший в мире щен! Как и всегда бывает для мам – ее ребенок самый лучший в мире. Но Рагх... это что-то особенное. В таком возрасте умудриться вылечить живое существо на грани издыхания?! Да еще и человека?! Никто не мог поверить, Старшие собрали по этому поводу внеочередной Совет! О-о... какие споры были по поводу Щенка! Первое, что предложили, – убить вражескую тварь. И только после долгих переговоров и голосования, с перевесом в один голос, решили: нужно понаблюдать за человеком, посмотреть на его поведение, чтобы лучше узнать повадки людей, чтобы определить, как лучше обороняться от своих исконных врагов, узнать их слабые стороны, научиться противодействовать злобному племени, загнавшему гармов под землю.

Увы, Щенок невольно способствовал тому, что гармы уверились в опасности людей. Способствовал возвышению той группы гармов, которые считали: каждого человека, попавшего в пределы страны гармов – спустившегося в пещеры или случайно попавшего в тоннели, – нужно убивать. Человек слишком опасен. Никаких переговоров, никаких контактов с людьми! Иначе они вотрутся в доверие, а потом будут убивать.

И самое плохое – как оказалось, даже вот такой ущербный, потерявший память щенок человеческого племени может противостоять взрослому умелому гарму! Щенок был быстрее любого из гармов! Он был настолько силен, что этому долго не могли поверить, – на одного из гармов упало старое дерево, придавив поперек туловища, и, пока остальные пытались подкапываться, чтобы вытащить собрата, он приподнял огромный ствол, чего не смог бы сделать ни один из племени четвероногих!

И неважно, что Щенок добрый, незлобивый и вообще не ест мяса, – его боятся так, что кажется, он и не щенок вовсе, а взрослый самец, на счету которого сотни и тысячи убитых противников! Боятся так, что кажется – сейчас они упадут на спину и пустят струйку в знак покорности перед этим странным существом!

И его ненавидят. Именно за свой страх. За то, что он своим видом опровергает идею группы «хищников», призывающих к войне с людьми – слабыми, ничтожными существами, отличающимися от оленей и кабанов только более развитым разумом.

Самка вздохнула – самое ужасное то, что имелась информация о случаях, когда убитых людей кто-то поедал. Скорее всего, не из чувства голода, это явно ритуальное поедание – вырваны печень, сердце. Но от ритуального поедания до питания людьми один шаг. И этот шаг будет страшной ошибкой – люди тогда забудут свои распри, объединятся и навалятся на гармов так, что не спасут и тоннели. У них есть свои маги и есть люди вроде Щенка, которые могут на равных бороться с гармами. И это будет конец всему племени.

Идиоты! Ну какие же идиоты...

Вопрос об изгнании Щенка подняла она, Арха. Через своего самца, Старшего. Чтобы уберечь Щенка от расправы. Незаметно внедряя в голову своего самца мысль о том, что Щенку все-таки нужно уйти. Нет, она любила Щенка. Хотя бы за то, что он спас сына. Человек будто и вправду стал за это время ее сыном – ей так хотелось иметь второго сына! А лучше – целую стаю сыновей и дочерей!

Щенок, Щенок... Как бы он ни был ловок, силен, как бы хорошо ни видел в темноте и как бы хорошо ни слышал, ничуть не хуже гармов, проигрывая лишь в чутье, – ему не убережешься. В конце концов его подстерегут и убьют. И что тогда

сделает Рагх – неизвестно. Вернее, известно. Он станет выслеживать убийц, и, зная своего сына, она была уверена – найдет их и убьет. Если сможет. Или убьют его. А если убьют его, то она, Арха, найдет убийц и убьет их. Если сможет. А если не сможет, то ее любимый и любящий самец... В общем, начнется кровавая свара, в которой погибнут десятки, а то и сотни гармов. А их, гармов, осталось всего несколько тысяч, если не считать тех, кто навсегда ушел из мест, где появляются люди.

Увы, на свете уже практически не осталось земли, на которой нет людей. Люди везде и всюду. И нужно искать с ними общий язык, а не воевать... вот только как вдолбить эту истину в головы тупым щенкам? Если даже взрослые гармы нередко придерживаются того же мнения, что и их малоумные дети. Или скорее наоборот – дети придерживаются мнения своих малоумных родителей, так будет правильнее сказать.

Рагх, Рагх... любимчик, надежда, будущий лучший лекарь и колдун племени! Если не погибнет от зубов завистливых тварей, «соратников», «друзей»! Зависть, злоба, коварство – и эти самые гармы еще обвиняют людей?! Эти завистливые полуживотные?!

Дегradировало племя гармов. Когда-то Старшие допустили ошибку, развязав войну с людьми, вместо того чтобы обрести в них братьев. И вот результат!

– Все думаешь?

Арха вздрогнула.

– Чем все закончится?

– Терпеть не могу, когда ты так подкрадываешься! Хотя бы когтями цокнул, что ли! Фффыххх...

– Я лучший охотник племени, не забыла? Если бы я цокал когтями, то... ну ладно, что надумала? Как его удержать? Ведь сбежит же со Щенком!

– Если мы с ним поговорим – не сбежит. При всей его бесшабашности он умеет держать слово. Главное, это слово от него получить.

- Вот-вот... получить. А он отказывается его давать!

- Значит, плохо объясняли. Нужно дать ему полный расклад происходящего.

- Не рано ли? Он сам еще щенок, а ты ему хочешь рассказать о таких вещах, о которых и взрослые гармы не подозревают! Не будет ли это ударом по его неокрепшему разуму? Выдержит, не сорвется?

- Это же мой сын. Кто лучше меня его знает? Даже ты не знаешь его лучше, чем я!

- Уверена? Ффыххх... ну... пусть будет так. Вернется - поговорим. Только я предлагаю, чтобы Щенок тоже участвовал в разговоре. На мой взгляд, он очень разумен, а еще - любит Рагха не меньше, чем мы с тобой. Я с ним поговорю отдельно, попрошу, чтобы он воздействовал на Рагха.

- Поймет ли? Давай так: я поговорю с Рагхом, а ты со Щенком. Так будет правильнее. А потом уже поговорим с обоими, взяв клятву молчать.

- Верно. Так и сделаем.

* * *

- Подойди, присядь рядом со мной! - Большой черный зверь лежал на каменной площадке сгустком тьмы в темноте пещеры. По большому счету эта темнота не была непроницаемой для Щенка - он видел все вокруг так же ясно, как на поверхности земли, только в черно-белом или сером цвете. Почему, он не знал, впрочем, и не задумывался об этом. Не было это для него проблемой. Он воспринимал мир вокруг себя как данность - ну да, под землей все серое, белое или черное, а на земле есть другие цвета. Под землей только корешки, червяки и жуки, а на земле - вкусные плоды, которые хорошо насыщают, если умеешь забираться на верхушки деревьев. Под землей - безопасно, друзья, покой и тишина, на земле - хищники, а еще - могут увидеть люди, а люди - это враги, они почему-то хотят убить гармов. И Щенка - если он попадетсся им в руки.

Раздвоение личности - Щенок чувствовал себя гармом, который почему-то оказался в человеческом теле, и одновременно - знал, что на самом деле он

человек, настоящий человек, который когда-то жил с людьми.

И в последнее время ему не давали об этом забыть. И теперь Щенок не чувствовал себя в безопасности и под землей. Инстинкт говорил: «Берегись! За тобой следят! Опасность!»

– Да, отец! – Щенок быстро скользнул к лежанке и сел рядом с гармом, чувствуя голый спиной горячий бок разумного зверя.

– Ты знаешь, зачем я тебя позвал?

Щенок задумался, и в пещере стало очень тихо. Так тихо, как бывает только в подземелье, на огромной глубине, там, куда не доносится дыхание ветра, где не живет никто, кроме существ, видящих в темноте, как ясным днем.

– Ты хочешь поговорить со мной о моем уходе. И ты хочешь, чтобы я отговорил Рагха идти со мной. Верно?

– Ты подслушал мой разговор с Архой?

– Нет. Я не подслушиваю. Тебя не подслушиваю. И маму. Но я слышу многое, чего слышать бы и не хотелось. Я понимаю вас. И я пытался отговорить Рагха, но ты же знаешь его... если Рагх упрется, его и десять гармов не переубедят! Мне очень не хочется с ним расставаться. И к людям я не хочу. Не знаю, почему так не люблю свое племя, но, как только подумаю о том, что мне нужно к ним вернуться... у меня дрожь по спине! Не хочу! Подожди, папа... не останавливай меня. Я все тебе скажу. У меня нет большей мечты, чем остаться с Рагхом и жить с ним рядом всю свою жизнь. Мне хорошо рядом с ним, спокойно. Я люблю его, люблю вас и никуда не хочу уходить. Но я не могу позволить, чтобы вам причинили какой-то вред. И знаю, что, оставшись здесь, навлеку на вас беду. Меня хотят убить, я слышал. Ты знаешь, как я умею подкрадываться и прятаться. И слушать.

– Мне Рагх говорил, что ты умеешь подслушивать чужие разговоры, если они не очень умело защищены, но... неужели эти гармы не защитились как следует? Или ты стал настолько силен?

– Не знаю, папа. Я слышу их разговоры. Когда захочу. А они меня не слышат. Эти гармы хотят воевать, их разговоры полны злобы, из них просто сочится кровь! Мне страшно. Это все плохо кончится, я знаю. У меня ощущение беды.

– Верное ощущение. И лучше тебе быть подальше от нас, когда все это начнется. В том, что начнется, я уверен. Постараемся удержать события, не дать им развиваться, но, если ты останешься еще хотя бы неделю... в общем, ты понял меня. И у меня просьба – удержи Рагха. Он не представляет, что значит уйти с тобой.

– И я не представляю, что значит – уйти к людям! – Щенок шмыгнул носом, почесался, потеревил длинные мокрые волосы. Они у него отросли ниже плеч, и приходилось перетягивать их сухим гибким корешком, чтобы не мешали. Получалось что-то вроде хвоста, и это было забавно – хвост на голове!

– И как он это себе вообще представляет? – Гарм полуприкрыл глаза. – Ну вот как он сам видит? Вышли вы с ним из-под земли, и? Станный человек, который не помнит своего имени, и гарм, подземный житель, враг людей – идут в людскую стаю?! Как ты думаешь, будут люди удивлены или нет?

– Рагх говорит, что у людей есть неразумные существа, дальняя родня гармов – собаки. И вот эти собаки очень похожи на вас. Только голова меньше, да и сами они размерами поменьше. И что его примут за мою собаку. И мы вместе будем шагать по миру! А вдвоем нам никто не страшен.

– Ты на самом деле думаешь, что вам двоим никто не страшен? Что никто не сможет вас одолеть? И что никто не распознает в «собаке» гарма? Ах дети, дети... ну какие же вы наивные!

– Я не наивный. Просто ничего не знаю о том мире. Совсем ничего. Не знаю, как себя вести, что делать среди людей, как жить. И Рагх не знает. Но одному мне будет легче приспособиться. А когда я приспособлюсь, найду его и позову жить со мной. Надеюсь, вы с мамой не будете против.

– Нет. Не будем. Но до тех пор, пока ты устроишься в мире людей как следует, – место Рагха здесь. Согласен? Ты сделаешь все, чтобы убедить его остаться?

– Сделаю.

Гарм помолчал, потом шевельнулся и послал картинку: большой черный гарм лижет голову маленького человечка.

– Я доволен тобой, сынок. Верю, Рагх примет наши слова как полагается.

Они снова помолчали, с минуту, чувствуя приязнь и уважение друг друга, потом гарм спросил:

– Ты подготовился к уходу?

– Да. Одежда сушится. Содержимое карманов я оставляю здесь на хранение. Возьму эти острые штуки, нож и стилет они называются, я вспомнил их название. Деньги еще возьму. Рагх меня проводит до самого выхода. Я решил выходить подальше отсюда. Рассудил так: когда-то я попал в подземелье больным, отравленным, умирающим. Значит, у меня на поверхности есть враги. Поднявшись наверх, не имеющий никаких знаний, я сильно рискую. Значит, мне нужно выйти там, где никто не может меня знать. Далеко от места входа. Рагх со мной согласен.

– Умно, – гарм прищурил глаза. – Очень умно! Я это хотел тебе предложить, но ты сам догадался, молодец. Верю, что у тебя все получится. Когда думаешь выходить?

– До конца назначенного срока еще пять дней. Мы побежим быстро. Как только сможем. Днем – под землей, ночью – по земле. Потом – расстанемся.

«И вполне вероятно, что навсегда, – подумалось гарму, и он невольно вздохнул. – Тяжкие времена настают! Впрочем, когда они были легкими?»

– А что делать с этой штукой? – Картинка: сверкающее желтое кольцо с крупным камнем посередине и мелкими по краям.

– Спрячьте его. Возможно, когда-нибудь я попрошу ее мне вернуть. Я чувствую, что она очень важна, но чем важна – вспомнить пока не могу.

– Хорошо, сын. – Картинка: гарм лижет щеку человечка. – Мы сохраним. Когда выходите?

– Как только высохнет одежда. Скоро. Отец, это все, о чем ты хотел со мной поговорить?

Гарм сразу не ответил, потом вздохнул и широко открыл глаза:

– Я многое хотел бы тебе сказать, но... не могу. Трудные времена настали для гармов, сынок. И похоже, что будут еще труднее. Труднее, чем когда-то, после войны с людьми. Теперь людей стало гораздо больше, а гармов почти не осталось. Но у нас есть такие соплеменники, которые думают как раз наоборот, и они пытаются втянуть нас в самоубийственную войну. И я боюсь, что кончится это все совсем плохо.

Молчание, вздох.

– Корона будет лежать в этой пещере, в тайнике, ты его знаешь. Если меня не будет в живых, не будет в живых мамы и Рагха, легко сможешь найти корону здесь, ведь ты легко ориентируешься в тоннелях – как настоящий гарм. Сынок, мы благодарны тебе за спасение Рагха, и наша помощь – малая доля платы, которую мы тебе должны.

– Что ты говоришь?! Вы ничего мне не должны! И не надо про то, что вас не будет! Ты меня пугаешь! Я вернусь, и все будет хорошо! И я сделаю все, чтобы примирить людей и гармов! Если смогу...

– Если сможешь... – в ментальном послыле гарма Щенку послышалась легкая насмешка. И правда – кто он такой? Щенок! Щенок человеческого рода, забывший, кто он такой и откуда взялся! Ничтожное существо – без рода, без племени! Что он может?

– Я сделаю все, что смогу! – упрямо повторил человек. – Все! А там уже как судьба даст.

– Хорошо. Иди, прощайся с мамой. Подожди... посиди минуту!

Гарм сосредоточился и ткнулся в мозг Щенка. Как и всегда, поразился, насколько трудно в него проникнуть. Пришлось собрать все свои магические силы, ощущение было такое, будто пролез в маленькую нору, обдирая бока.

Снова уткнулся в стену, оградившую участки сознания. Она представлялась мощной скалой, на которой не было ни одной трещины. Гарм выпустил «когти» и начал отчаянно, едва не рыча от боли в «лапах» (это было очень болезненно, будто копал в раскаленных угольях), врезаться, вгрызаться в стену, пытаюсь пробить в ней хотя бы маленькую дырочку. Через минуту выдохся и бросил это занятие, но... в стене все-таки образовалась небольшая выемка, рядом с десятком подобных. Не раз и не два гарм пробовал пробиться через стену в мозг человека.

Гарм надеялся – со временем, под напором воспоминаний, утрамбованных в сознание, стена в этом месте в конце концов все-таки прорвется, и знания сами по себе заполнят мозг, восстановив прежнюю личность. Но не сейчас. Защита слишком сильна. Разрушить ее может только время и сам мальчик, установивший этот барьер. Или маг такой силы, каких не было в племени гармов.

Да и рано пока. Мальчик еще не готов. Хрупкое сознание может не выдержать груза воспоминаний, и тогда человек сойдет с ума. Пусть вначале укрепится в человеческом обществе, обживется, и уж тогда... тогда сам решит – нужны ему прежние воспоминания или нет. Если нужны – он их извлечет. Если нет... тогда так и останется Щенком.

И возможно – это лучший для него выход. Добрый Щенок лучше жестокого убийцы. Наверное.

– Все, можешь идти, сынок! – Гарм легко поднялся, ткнул Щенка лобастой головой, двигая его в сторону выхода. – Иди, и... возвращайся. Когда-нибудь. Пока живы – мы тебя ждем.

Гарм устал. Погружение в мозг Щенка отняло у него столько сил, что казалось, он бегал всю ночь, а потом еще сутки копал тоннель. Голова болела так, словно съел кучу забродивших фруктов.

Щенок обнял гарма, прижал его к себе и вдруг почувствовал, как защипало в глазах. Он никогда не плакал. Ни от обиды, ни от боли. Возможно, просто не умел плакать. Но сейчас очень об этом пожалел.

Молча повернулся и вышел из пещеры, чувствуя на спине взгляд приемного отца.

Щенок не оглянулся. Зачем? Все сказано. И прошлого не вернешь. Даже не вспомнишь.

* * *

– И как этой штукой пользоваться? Ты знаешь? Но вот с той колючкой все понятно – втыкаешь, и дичь умирает. Только как потом ее есть, если она отравлена? Глупое приспособление! А вот этот зуб еще пойдет. Только неудобный! Он же скользкий! Как ты его удержишь?

Щенок взял в руки нож, повертел его в руке, прилаживая поудобнее, пару раз махнул рукой в воздухе, досадливо поморщился – нет, не так! Задумался.

Мысли перебил Рагх, ткнувший лбом в бедро:

– Ну, так что? Сообразил, как это использовать?

– Нет. Потом разберусь!

Щенок покачал головой и аккуратно вложил нож в кармашек куртки под воротником. Ткань была еще слегка влажной, но уже не мокрой, как раньше. Можно одеваться.

Он натянул на себя рубаху, штаны, куртку – все было холодное, так что Щенок поежился.

Гарм тихо фыркнул:

– Ффыхх... Глупо все-таки устроен человек! Ни шкуры тебе, ни хорошего нюха! Ноги только две! Ну как жить?! Глупо, глупо!

– Опять ты затеял свой скулеж! – беззлобно отмахнулся Щенок. – Зато у меня руки есть! Сколько раз с тобой об этом говорили?! Ты опять ерунду несешь! Все,

я готов! Почти высохло, можно идти.

- А как ты в этих штуках пойдешь?! - гарм подозрительно обнюхал высокие шнурованные ботинки. - Неужели в них удобно?! Они отвратительно пахнут!

- Неудобно, да... - признался Щенок, прилаживая на место стилет с отравленным клинком. - Но люди ходят только так. Если я пойду босиком, это будет странно. Помнишь, что твоя мама говорила? Не должен выделяться в своей стае. Иначе сожрут. И я откуда-то знаю, что всегда так ходил.

- Сожрут... - эхом повторил Рагх, и от него пошла волна печали и горечи. - Ты слышал, что у нас происходит? Про то, что появились какие-то гармы, нападающие на людей и поедающие их мясо?

- Слышал. - Щенок помертвел лицом. - Это плохо, брат. Это беда. Всем беда. Ну да ладно. Нам пора! Ты быстро-то не беги, не забывай - я одетый, да еще и в этих штуках! Ты помнишь дорогу?

- Мама дала мне картинку. Можно идти!

Гарм скользнул в тоннель, человек следом, и они побежали. Вначале тяжело, небыстро, потом все быстрее и быстрее, пока бег не стал легким, устойчивым, ровным, летящим. Так они могли бежать часами. И бегали - не раз и не два. Конечно, в ботинках бег совсем не тот, что босиком, но скоро Щенок привык и к этому бегу.

Длинные тоннели - они не были вырыты гармами. Зачем гармам такие высокие потолки? Им достаточно норы в половину человеческого роста. Тоннели рыли люди, Щенок в этом не сомневался. Или кто-то рыл их для людей.

Судя по легендам гармов, они когда-то жили вместе с людьми как полноправные партнеры, и только потом между ними возникла трещина, расширившаяся настолько, что из нее полилась раскаленная лава войны, тлеющая до сих пор.

Тоннели соединялись с естественными, природными пещерами, по дну которых текли ручьи и целые реки. Вода в этих реках была сладка и прозрачна, а в глубине плавали странные прозрачные рыбки, которыми любил лакомиться Рагх.

Он влезал в воду, дожидаясь, когда рыба появится в пределах досягаемости его «глушилки», и выпускал магический импульс, после которого рыбка тут же замирала, переворачиваясь вверх брюхом. Рыбки небольшие, размером всего в две ладони, но толстенькие и, как утверждал гарм, очень, очень вкусные.

Щенок и Рагх, если уставали, останавливались на отдых – обычно где-то возле воды, в безопасном месте – например, в небольшом мешке-тоннеле, заканчивающемся тупиком. Такое логово легче защищать, у него только один выход.

Ночами выбирались на поверхность – Щенок собирал фрукты, искал птичьи яйца, которые выпивал тут же, на месте, поделившись с гармом, который обожал содержимое хрупких скорлупок. Влезть на дерево Рагх не мог, потому ему не часто приходилось поедать птичьих яиц. Щенок же, наоборот, лазил по деревьям с такой быстротой и ловкостью, что с ним могли бы соревноваться только пауки, плетущие липкую паутину, нередко залеплявшую нос гарма во время бега. Рагх охотился, благо дичи в лесах было более чем достаточно, и после солидного ужина спал не менее двух часов, переваривая свежее мясо.

С рассветом они снова уходили в подземный мир – гарм с непостижимой ловкостью находил входы в пещеры, и эти входы никогда не смог бы найти ни один человек – часто вход был замаскирован так, что найти его, не имея чуткого носа гарма, не представлялось возможным. Даже Щенок, который уже привык жить в подземельях и обладал особыми способностями, не свойственными обычному человеку, иногда не мог найти вход в пещеру, даже если фырчащий от смеха гарм рассказывал ему, где примерно располагается «дверь».

Магия гармов – странное колдовство, нечеловеческое, непохожее на обычную магию. И в ней способность маскироваться, отводить глаза была развита до уровня высшего искусства. Оно и понятно, народ гармов и уцелел-то до сих пор только потому, что умел хорошо прятаться.

Они бежали, шли, отдыхали, обедали, день шел за днем, ночь за ночью. Щенок не особо задумывался, зачем и куда они бегут. Он наслаждался каждым днем, каждым часом, каждой минутой, проведенной с другом, потому что знал, чувствовал – скоро его жизнь изменится, и не факт, что в лучшую сторону.

Гарм, видимо, тоже это чувствовал, он был особенно внимателен к двуногому другу и обходился без своих постоянных шуточек, которыми любил подразнить своего добродушного приятеля. Щенок никогда не обижался на шутника, он знал, что Рагх подсмеивается над ним не со зла, а случись беда – отдаст за него жизнь. Судьба связала их крепче, чем близких родственников, к добру ли или к беде – они не знали, да и не задумывались над этим. Просто жили, как живут миллионы живых существ по всему миру, совершенно не озабоченных своим местом в этой вселенной.

Человек и гарм часто разговаривали, впрочем, как и всегда. Гарм рассказывал о своей жизни, о жизни своего племени, Щенок же не мог припомнить о своей жизни совсем ничего, но был жадным слушателем, впитывая все, что видел и слышал, – как сухой песок впитывает дождевую влагу.

Они не строили планов и ни разу не говорили о том, что будет после того, как человек вернется к людям. Оба будто боялись об этом говорить, подсознательно понимая, что бесполезно строить планы, не имея ни малейшего представления о том, что ждет впереди. Лучший способ избежать разочарования – не иметь никакой надежды. Жить одним днем, тем, что пошлет судьба, и довольствоваться теми благами жизни, которые пали на тебя в эту минуту, в эту секунду. И кроме того, они оба были слишком молоды, чтобы всерьез задумываться о дальнейшей судьбе и строить далеко идущие планы. Все молодые бессмертны, они знают, что с ними не может случиться ничего плохого, что всякие там гадости случаются лишь с другими, глупыми, неумелыми, а у них впереди только лишь радостное, счастливое будущее.

Людей за пять дней своего бегства они не встретили ни разу. Все выходы из подземелий располагались в безлюдных местах, да и вряд ли кто из людей будет бродить по лесу темными ночами. И не темными – тоже. Ночь – время демонов, и не дело людей бродить по лесам в ночную пору. Потеряешь жизнь, а то и саму душу. Ночью из-под земли выходят демоны, и тогда несчастным, которые окажутся в неурочное время под открытым небом, грозит смерть. Не раз и не два люди находили растерзанные трупы одиночных путников, заночевавших в лесу, или парочек, решивших, что настало их время вечерней порой уединиться под кустом и слиться в сладких объятиях.

Ни Щенок, ни гарм этого не знали. Они бежали, отдыхали, ели, пили, разговаривали – подолгу разговаривали, благо ментальная речь не мешала бегу. Два названных брата, два существа, волей судеб ставших родными.

Наконец, они прибыли туда, куда собирались. Отсюда, со склона скалистой горы, был виден большой город, над которым в тихом воздухе будто туман висел дым множества очагов. На горизонте сверкало море, солнце, как огромный медный таз, торчало над водой, заливая землю ярким светом – слепящим, горячим, будто стоишь возле яркого пламени лесного пожара, уничтожающего все живое на своем пути.

Здесь было жарче, чем там, откуда пришел Щенок, эта местность располагалась южнее. Как рассказали ему гармы, еще дальше на юг, на много дней пути отсюда, находилась песчаная пустыня. Что за ней – неизвестно, гармы доходили только до этой самой пустыни, не рискуя пересекать ее и забредать за ее пределы. Гармам нечего делать там, где кроме песка и ядовитых гадов нет ни одного живого существа, которым можно пообедать. Если не считать людей, конечно...

– Давай прощаться? – Щенок встал на колени, обнял мускулистую шею друга-брата, ткнулся в лобастую голову своим лбом. – Брат мой, что бы со мной ни случилось, я всегда буду тебя помнить! Спасибо тебе за все!

Гарм лизнул человека в щеку, засопел:

– Ничего с тобой не случится! Все-таки зря ты отговорил меня идти с тобой! Попробовал бы кто-нибудь нас двоих тронуть! Мы всех порвем!

– Вот потому нам вдвоем идти и нельзя... – усмехнулся Щенок. – Помнишь, что мама сказала? То-то же... ты слишком горячий. И любопытный. Через три месяца приходи сюда, я тебе расскажу все, что со мной за это время случилось. А ты расскажешь, как твои дела. Жди меня неделю, если в течение недели не появлюсь... уходи. Если что – я тебя найду. Обязательно найду. Ну все, брат, иди! Иди, пожалуйста... а то я никак не могу от тебя оторваться! Мне так не хочется никуда уходить – просто... просто... сердце рвется! – Картинка: человек сидит на корточках и воет на луну.

В ответ Щенок получил картинку: гарм воет и трет лапой морду, роняя слезы.

Рагх медленно поднялся, пошел туда, где чернел вход в пещеру. Это был большой вход, только он заканчивался тупиком. Чтобы попасть в настоящий

тоннель, нужно было пролезть в небольшую дырку слева от входа, в которую с трудом протискивался человек.

Щенок проводил друга взглядом, отвернулся и решительно зашагал вниз, туда, где виднелись луг, домишки возле небольшого озера и ручей, вытекавший из той самой горы, на которой Щенок сейчас стоял. Сердце щемило, будто его зажали меж двух здоровенных палок, и большого труда стоило не оглянуться, не позвать Рагха, чтобы побыть с ним еще минутку.

Что ждало впереди? Вряд ли что-то хорошее. В этом Щенок был уверен.

А еще – он был полон решимости справиться со всем, что ему предстояло. Во что бы то ни стало. И выжить.

Глава 2

– Эй, парень, куда прешь?! Сюда иди! Ну?!

Стражник у ворот подозрительно осмотрел пришельца, прошелся взглядом по его куртке, слишком теплой для этой местности, по неестественно бледной коже – парнишка выделялся среди толпы народа, скопившегося у ворот так, как выделяется куча снега на вершине зеленой горы. Он был мертвенно, странно бледен, как покойник, из которого ночные демоны выпили кровь.

Парень подошел, и стражник еще раз смерил его взглядом с головы до пят, задержался на поясе, где обычно висит кинжал, нож или меч, кивнул:

– Свободный? Не в бегах? Деньги на проход есть?

Парень откашлялся и слегка скрипучим, надтреснутым голосом негромко ответил:

– Я не понимаю, о чем ты... А! Деньги есть, да. Вот!

Парень сунул руку в карман и протянул стражнику ладонь, на которой лежала кучка монет – серебряных, медных и один желтый кругляшок. Стражник с удивлением вперился в сокровище, оглянулся по сторонам и, сжав своей ладонью ладонь странного парнишки, потянул его в сторону:

– Идем-ка сюда! Ну!

Отведя парня, недоуменно глядящего синими глазами и хлопающего темными ресницами, в тень дерева, растущего возле крепостного рва чуть поодаль от ворот, жадно спросил:

– А еще золото есть?

– Золото? – парень так же глупо похлопал ресницами и, широко улыбнувшись, сказал: – Прости, я не знаю, что такое золото. Я долго болел, ничего не помню, что со мной было. Ты спросил про деньги – вот деньги. Сколько надо отдать, чтобы пройти в город?

– Сколько? – стражник наморщил лоб, соображая, глядя в лицо сумасшедшему. Именно сумасшедшему, потому что только сумасшедший не знает, что такое золото! Дети, едва очнувшись в колыбели, едва осознав себя, уже понимают, что такое золото! А этот парень почему не знает?

– Давай я сам возьму, сколько надо за проход! – стражник покраснел, его глаза метнулись в сторону, потом взгляд вернулся к лицу сумасшедшего. Нет, тот был безмятежен, как... статуя. И так же бел, будто выточен из мрамора!

Парень протянул руку стражнику, тот ухватился за желтый кружок, выбрал несколько серебристых кружков побольше, оставив два маленьких серебряных и кучку затертой меди. Подумал секунду и, не выдержав, забрал и один из маленьких белых кружков.

– Вот теперь хватит! – мужчина спрятал монеты в пояс, кивнул парню, предложил: – Пойдем, я провожу тебя в город, чтобы двойную оплату не потребовали! Пошли, пошли быстрее, а то мне на пост надо!

И они пошли: стражник – впереди, парень с длинной косой волос и бледной кожей – позади. Странная парочка, конечно, но эти древние стены видели много странного на протяжении тысячелетий. К тому же всем было точно не до парочки – возле ворот как раз разыгралась драма: в возке одного из зеленщиков обнаружился мешок с дурманной травой, и это при том, что негодяй не имел лицензии на ее ввоз, не заплатил налог и, что хуже всего, категорически не был согласен на ту сумму, которую с него запросили стражники. Мол, так без прибыли останусь! Потому его сейчас били палкой и вязали, дабы отправить согласно закону в городскую тюрьму. Не до какого-то там роста с бледной кожей в помятой, как из задницы вынутой, коротковатой одежде. Бродяг хватает и без него, на всех обращать внимание – жизни не хватит!

Вообще-то вход в город стоит три медные монеты, но разве стражник обязан извещать об этом каждого встречного? Идешь в город – знай, во что это тебе обойдется!

Стражник проводил чужака долгим взглядом, довольно ухмыльнулся – хорошо начался день! Он и не припомнит такого хорошего дня! Горсть серебра, и самое главное – золотой кругляш!

Стражник достал монеты из пояса, потер их пальцами, и... вдруг нахмурился: монеты Занусса! Это не местные монеты, занусские! Шпион?! Это шпион?! Лазутчик?!

Рванулся было за парнем, исчезнувшим в кривой пристенной улочке, остановился, раздумывая – а что это даст? Ну вот – поймал он парня. А парень – на допросе с пристрастием! – честно рассказывает, как стражник забрал у него серебро и золото за право пройти в город! И что тогда? Кто поверит, что он просто обманул лазутчика, героически лишив его денег, а не получил эти деньги в уплату за проход шпиона? Кто поверит, что второпях, с радости не разглядел профиля вражеского императора на злосчастных монетах? Нет уж – пусть валит отсюда! Его счастье, что не поймал!

А если догнать и прирезать? Мол, показался подозрительным, вступил с ним в схватку, и тогда...

Можно, конечно. Но, во-первых, парень при всем своем идиотизме не выглядит хилым! Это же лазутчик! А лазутчиков учат драться так, что и не снилось

бывшему пехотинцу, а ныне постовому на воротах! Эдак можно и нож в брюхо словить.

Да и где теперь найдешь его на кривых улочках города, вытянувшегося вдоль моря на несколько часов пути? Не дайте боги, в портовые кварталы влезешь, так оттуда можно и не выйти, там своя власть, стражников не любят.

И как объяснить старшему наряда, почему ты покинул пост? Чтобы догнать некоего белолицего парня, да? А с чего в башку встряло, что это был лазутчик? Тем более что все видели, как ты провел его сквозь ворота! Значит – ты провел лазутчика! И присвоил все его деньги? Не поделившись?

Нет уж, пусть валит! Когда-нибудь встретится на дороге, и уж тогда... не снести ему головы!

Стражник вздохнул и заспешил назад, на пост, помогать соратникам потрошить очередной возок. Настроение, такое радостное пять минут назад, стало не очень радостным, а в голове все больше набирал силу великолепный план – по окончании дежурства спустить все полученные от лазутчика монеты в трактире; вино и кости – вот отрада солдата! Если не считать шлюх. Но это уже само собой... какой трактир без шлюх? Сегодня можно позволить себе молоденькую, дорогую! Все равно деньги дармовые: пришли – ушли...

* * *

Щенок чувствовал, что его обманули. Уж больно радостно горели глаза этого человека. От чужака просто-таки веяло ложью и желанием как можно быстрее спровадить незнакомца. Но Щенок не хотел спорить и тем привлекать к себе внимание. На него и так оглядывались, и он подозревал, что неспроста. Что-то такое было в его облике, такое, что заставляло прохожих посмотреть на него внимательно, и не один раз. Что именно – Щенок не знал. Вроде бы все такое же, как у остальных людей: руки, ноги, голова, одежда. В чем дело? Может, лучше было идти как раз голым?

Нет, скорее всего – нет. Он чувствовал, что так было бы неправильно. Встречались и голые люди, с металлическими браслетами на шее, но не так часто. В основном – все в свободных рубахах и в тряпках, прикрывающих бедра.

Были люди и в длинных штанах, как у него, но все больше вооруженные, с длинными клинками на поясе. Они неуловимо отличались от остальной толпы, их обходили стороной, стараясь не задеть. Щенок откуда-то знал, что не раз и не два в своей жизни встречался с такими же – одетыми в штаны и куртки, с мечами на поясе и за спиной, но вспомнить ничего не смог. Да не особо и хотел. Его больше занимала другая проблема – хотелось есть. Отовсюду неслись вкуснейшие запахи, и рот парня наполнялся слюной. Последний раз Щенок ел утром, сорвав вязанку фруктов с высокого дерева гуары. С собой фруктов запасать не стал, решив, что найдет пропитание у людей, и вот сейчас ему очень хотелось найти это самое пропитание. Он почему-то не подумал о том, что люди не спешат делиться едой со своими одностайниками. У гармов все было не так. Гармы делились едой – если она не была последней, если ее хватало семье и имелось лишнее.

Он шел и шел по улицам, поворачивая на перекрестках туда, где ему больше всего нравилось идти, туда, где улица казалась привлекательной, туда, куда вел его инстинкт. Остановился Щенок возле красивого крыльца, над которым торчала большая вывеска с изображенными на ней людьми. Люди на вывеске сидели вокруг стола, где была навалена груда всевозможных яств – люди довольно смеялись, их добрые красные лица улыбались, им было очень, очень хорошо!

Щенок смотрел на вывеску минуты три, потирая лицо, которое вспотело под лучами полуденного солнца и горело, будто он приблизил его к огню. Щенок не знал, что такое загар, не знал, чем отличается от смуглых людей, снующих вокруг и с удивлением разглядывающих это белокожее чудо. И не знал, что кожа, прежде совсем белая, уже начинает изменять свой цвет под действием прямых солнечных лучей. Пока что Щенок был слишком бел, чтобы так запросто смешаться с толпой горожан.

И еще – весь местный народ изначально смугл, Щенок же принадлежал к другой расе, расе ростов, людей с северного материка. Большинство ростов на этом материке были лишь рабами и потомками рабов.

Немного подумав, Щенок поднялся по лестнице на крыльцо и, толкнув легкую внешнюю дверь, вошел внутрь. У него сразу возникло странное чувство – казалось, что он когда-то уже здесь был. Казалось, он уже видел эти столы, отполированные тысячами локтей клиентов, тяжелые стулья и табуреты, сделанные из такого прочного, крепкого дерева, что разбить эту мебель

составило бы огромного труда, как, впрочем, и употребить ее в виде метательного снаряда. Попробуй-ка подними здоровенный стул, который весит больше половины человеческого веса! Их даже специально утяжеляли, прикрепляя к днищу металлическую, чаще всего чугунную, плиту. Зачем? Чтобы сохранить и саму мебель, и обстановку трактира, и головы посетителей. Пусть дерутся кулаками, и лучше всего – на улице. Заведение «Добрый стол» не для буйных пьяных, хотя и таких здесь перебивало немало.

Трактир знавал гораздо лучшие времена, но и сейчас он был вполне пристойным заведением (по сравнению с портовыми харчевнями, например!). Его посещали достаточно обеспеченные люди, знающие, что здесь у них меньше шансов столкнуться с воришками-карманниками и лишиться кошелька или же напороться на меч пьяного наемника, которому вдруг привиделся супостат, коему непременно нужно снести башку.

Для таких случаев в трактире всегда дежурил вышибала, а нередко и два сразу. Второй приходил ближе к вечеру, когда трактир наполнялся гуляками, желающими промочить горло глотком приличного вина или кружкой пива. Здесь недурно готовили. Например, «Баранья нога, тушенная со специями» – блюдо, которое готовили в трактире уже много лет, оно по справедливости заслуживало похвалы искушенных едоков.

Не сказать, чтобы трактир особенно процветал, но, судя по количеству посетителей, жил вполне безбедно, несмотря на то, что недавно закончилась война с Зануссом и цены на продукты выросли, в отличие от доходов обнищавшего народа. Трактир выплывал из водоворота банкротств подобных ему заведений за счет того, что здесь прилично кормили, а еще цены были немного ниже, чем в других трактирах подобного уровня, – и на еду, и на напитки. Хозяин, Лайам Налсон, считал, что лучше иметь доход небольшой, но стабильный, всегда, во все времена, чем бросаться за крупным кушем и потерять все, отпугнув клиентуру.

В любом трактире в это время обычно мало народу – завтрак давно закончился, обедать все предпочитают дома или в дороге, а время ужина еще не настало. По большому счету все трактиры только так и работают – утром и вечером. Утром – завтракают постояльцы, отправляющиеся в путь, вечером – собираются любители выпить, закусить и потискать шлюх. Днем в зале сидят лишь те, кто по каким-то причинам задержался и не уехал с очередным караваном, или те, кто с утра переделал все свои дела и не знает, чем еще заняться, кроме как

потягивать холодное бодрящее пиво из толстостенных глиняных кружек, так хорошо сохраняющих живительную прохладу. А сохраняют холод толстостенные кружки очень хорошо, особенно если сверху есть специальная крышечка, которую нужно поднимать каждый раз, как твои губы собираются припасть к воспетому певцами напитку.

Пиво, в жару! Можно только мечтать о таком чуде! И получить его, если у тебя в кармане побрякивают вожаделенные металлические кружочки. И лучше, если их будет побольше, а тогда – и вяленое мясо со специями, и копченый кальмар, и зажаренные на углях креветки, и мидии, пустившие белый вкусный сок, так помогающий, когда ты уже стар и твоя тяга к женщинам охладела! Все для тебя, только плати. Любой каприз!

Только не приставай к мужчинам. Мужеложцев в трактире Лайама очень не любили, даже если они собирались оставить здесь целое состояние. Никто не знал, почему у Лайама такая неприязнь к мужеложцам – деньги ведь не пахнут. Поговаривали, что в детстве над ним совершил насилие сосед-пьяница, и с тех пор Лайам люто ненавидел красавчиков с вкрадчивыми манерами и смазливый личиком. Вот только никто не осмеливался спросить трактирщика – правда ли то, что о нем рассказывали? Ну... о насилии, о том, за что он так не любит смазливеньких красавчиков с вкрадчивыми манерами. Почему никто не осмеливался? Потому что Лайам был весьма могуч и крупен и ударом кулака мог вышибить мозги быку, что уж там говорить о глупых собеседниках, треплющих поганым языком!

Все знали: если он вдруг заподозрит, что посетитель мечтает не о женских задах... лететь этому клиенту с крыльца так, будто его унесли в воздух драконы, да и бросили с небес, поднявшись выше самой высокой горы! Ибо нечего делать в приличном заведении тем, кто занимается богопротивным делом, осуждаемым Создателем в одной из своих проповодей: «И сказал Создатель: это противно человеку, и это есть грех!»

Впрочем, дальше было сказано, что нет грехов неотмолимых, кроме бунта против Храма и самого Создателя, но это уже другой вопрос, никакого отношения не имеющий к правилам поведения в трактире «Добрый стол». А их тут было, в общем-то, не много: вовремя плати за заказ, не ломай мебель, не мешай другим посетителям, не воруй, не обижай шлюх, не будь мужеложцем и... выполняй то, что от тебя требует хозяин заведения (параграф первый).

Когда на пороге трактира появился бледнолицый красавчик, на него никто не обратил внимания. Компания из четырех возчиков, ожидавшая бригадира, отправившегося в контору по найму за очередным заказом, была занята игрой в кости. Купец, страдающий с похмелья, сидя в углу, заливал горе кувшином пива – у него вчера украли мешок пряностей, что полностью обнулило прибыль минимум за месяц работы, да две девицы с помятыми бледными лицами ночных жительниц вяло трепыхали ложечками в больших фарфоровых чашках, сумрачно поглядывая вокруг, не особо надеясь, что днем появится достойный клиент, способный оплатить хотя бы минимум их древних услуг. Само собой, только совсем уж изголодавшийся по женской ласке мужчина потратит дневное время на такое бестолковое времяпровождение, как кувыркание с платной бабой. День – для работы, вечер – для развлечений, это твердо знали все, от мала до велика. Но что поделаешь, профессия накладывает отпечаток, потому их глаза блуждали по залу, возвращаясь к входной двери, источнику неожиданностей – хороших или не очень, это уж как боги рассудят.

Завидев бледнолицего парня, девушки насторожились, будто охотничьи собаки, сделавшие стойку на дичь, но тут же расслабились – нет лучшего психолога, чем профессиональная шлюха, и нет другого такого человека, который способен за секунду оценить социальный статус и посчитать монеты в твоём кошельке, кроме этой самой шлюхи. Или же специально обученного тому человека – лазутчика, шпиона либо агента тайной службы.

Впрочем, девицы могли бы на равных в этом деле соревноваться с лучшими из лучших тайных агентов, и они тут же поняли – ловить нечего, парень беден, как храмовая мышь. Куртка на его широких плечах была мятой, старой, в темных, как от крови, пятнах, штаны коротковаты, будто он не так давно вырос, вытянулся, а на новую одежду денег не хватало. На поясе никаких кошель, дорогих кинжалов и ножей, и уже тем более – никакого меча, а раз нет оружия, значит, защищать ему просто нечего. Безденежный попрошайка, забредший в трактир в расчете на вчерашние объедки за простую работу.

В трактире всегда много работы – дрова сгорают моментально, их надо нарубить, воду тратят бочками, ее надо начерпать, да мало ли работы в трактире, в котором хозяин экономит на всем, становясь за прилавков, когда наступает вечер. Хочешь выжить во время послевоенного обнищания – делай все сам или нанимай слуг за жалкие гроши!

Парнишка осмотрел зал, неспешным шагом прошел к свободному столику в углу заведения, сел так, чтобы видеть дверь. Одна из девушек, наблюдавшая за ним и признававшаяся самой себе: «Красавец парень! Иэхх... такому я бы и сама заплатила!» – слегка нахмурила брови. Ей было уже двадцать пять лет, и занималась она своим промыслом с десяти. Видала всякое, потеряла три зуба и точно знала: кто садится спиной к стене, лицом всегда ко входу, тот ежесекундно ожидает нападения. Так ей рассказывал один мужчина, агент на службе королевства, поскольку она время от времени давала ему сведения об интересных клиентах, а еще – то, чего хочет получить от женщины каждый мужчина, будь он агентом или портовым грузчиком. Он же взамен прикрывал ее в некоторых особо щепетильных делах – если ее вдруг обвинят в пропаже части денег из кошелька подвыпившего клиента либо в краже безделушки, потерянной загулявшим пропойцей во время своих дурацких падений на землю.

Для таких «потеряшек» в порту было немало лавчонок, в которых не спрашивали, откуда взялась та или иная вещь, даже если на ней бурая плотная корка, так похожая на высохшую кровь.

Парню было лет семнадцать, может, чуть больше, и на лице его блуждала полуулыбка довольного собой человека, – возможно, он просто идиот. Нормальный человек не может быть всегда собой доволен, особенно в такую жару, нацепив на себя длинные штаны и суконную куртку, похожую на куртки солдат.

Дождавшись, когда парнишка усядется на место, подавальщица, симпатичная девушка немного за двадцать (она так говорила своим ухажерам, на самом деле «немного» составляло шесть лет довольно-таки нелегкой жизни, почти не оставившей следа на ее милом лице), легким шагом отправилась к новому посетителю и, подойдя, состроила на личике самую обворожительную гримаску:

– Молодой человек желает поесть? Что именно? Есть пироги, наша кухарка печет пироги с олениной – очень вкусные, недорого! Баранья нога со специями – это блюдо славится на всю округу! Специально за ним приезжают! Яблоки в меду! Вино! Пиво! Что желаете?!

Парень уставился в лицо девушки ярко-синими глазами, на его физиономии блуждала полуулыбка. Он будто не понимал, что от него хотят, и подавальщица вздохнула – идиот! После войны появилось множество ветеранов, которых трахнули по башке либо зацепили боевым закливанием, что и выбило из них

последние мозги. Подавальщица хотела уже позвать трактирщика, отсыпавшегося в комнате за кухней, когда парень вдруг подал голос, с видимым трудом проталкивая слова через пересохшую глотку:

- Мне бы... поесть! Поесть! У меня есть деньги... деньги! Я не знаю - хватит, чтобы поесть?

Парнишка сунул руку в карман и достал горсточку медяков, среди которых сиротливо белел один маленький белый кружочек. Монеты парень высыпал на стол, широко, белозубо улыбнулся и вдруг сказал:

- А ты красивая! Ты женщина, правда же? Девушка! Красавица!

Подавальщица подняла брови, не зная, что сказать, оглянулась назад, на ухмыляющихся шлюх, хотела сказать что-то резкое, но вдруг осеклась, глядя в безмятежно-голубые глаза юноши. Защемило сердце, стало печально на душе - она вспомнила парня, с которым встречалась целый год и который ее искренне любил. Он завербовался в армию - сказал, что заработает капитал, вернется, откроет лавку и женится на Ламии, заберет ее из трактира, и они проживут вместе, семьей.

Не вернулся - убили на границе, в одной из приграничных стычек. У него был такой же глуповато-восторженный взгляд, только вот глаза не синие, а карие. В крови этого парня точно была кровь ростов - за сотни лет тысячи ростов-рабов осели на южном материке, их семя расселилось в тысячах местных женщин. Росты всегда были красивыми, рабы этого племени были в почете у женщин Ангира, охочих до крепкого мужского тела.

Ведь это же не измена - когда с рабом! Пока муж в долгом путешествии, зарабатывая на хлеб и соль. Вот если бы со свободным, соседом, тогда - да! А так... как инструмент, для здоровья!

Вот и рождались в семьях смуглых ангирцев голубоглазые бледнолицые младенцы - Создатель дал! Все младенцы от бога!

- Парень, ты в своем уме? - Подавальщица испытующе посмотрела в глаза парня, и тот вдруг пожал плечами:

– Не знаю. Я память потерял. Не помню, кто я, даже имени своего не помню. Прости, если что не так сказал. Поесть очень хочется. Денег хватит?

– Если только на вчерашнюю похлебку... – Подавальщица со вздохом покачала головой, сгребая мелочь – Хотя... тут у тебя серебрушка есть! Ой, она занусская... и медь занусская... это только на чашку похлебки, не больше. Занусская медь не в цене. Можно сказать – бросовая медь.

– Я не понимаю... – снова глупо улыбнулся парень. – Это же деньги, правда? Я могу их отдать, чтобы на них что-то купить, так ведь?

Подавальщица снова вздохнула, села напротив парня за стол, предварительно посмотрев вокруг – не видит ли кто и нет ли хозяина. Он не очень-то любил, когда подавальщицы приставали к посетителям. Не секрет, что девушки-подавальщицы иногда подрабатывали, поднимаясь в номер к постояльцу, но откровенно приставать прямо в зале считалось весьма неприличным делом. Тем более что отнимало хлеб у профессиональных шлюх и теми очень даже не приветствовалось. До мордобоя.

– Вот что, парень... не знаю, как тебя звать...

– Назови как-нибудь, как тебе удобнее. Мне все равно! – улыбнулся парнишка, и улыбка его была такой чистой, ясной, что девушке вдруг захотелось обнять его и уйти куда глаза глядят – из полутемного трактира, из этого поганого городишка, – туда, где журчит вода, где над цветами порхают мотыльки, где солнце ласкает обнаженные тела и трава щекочет голую спину...

Ламия тряхнула головой, отбрасывая грешные мысли, у нее вдруг зачесались соски, к паху прилила кровь, будто перед желанной встречей с любимым. Она невольно улыбнулась в ответ, и глаза ее увлажнились. Возможно, из-за того, что она слишком давно уже не была с мужчиной, а парень ее волновал.

– Так вот – назови, и все? Как мать новорожденного сына? – игриво спросила она и отвела глаза, не увидев, как посерьезнел, погрустнел парень. А когда снова посмотрела, он уже был безмятежно спокоен, как статуя в храме Создателя.

И ведь точно! Он был похож на ангела, посланца Создателя! Того, кто прилетает на крыльях, чтобы возвестить волю богов! Как там его звали, этого ангела? По

свиткам? Учила ведь... порола мать, требовала, чтобы Ламия изучала Слово Создателя! И вот... все забыла.

А не будет ли святотатством назвать его так? А вдруг кто-то сочтет это оскорблением богов? Или сами боги обидятся и нашьют беду? Нет уж, лучше не трогать религию. Пусть будет... нет! Он погиб, и возврата не будет! А кроме того, он тоже может обидеться и наслать беду – и на парня, и даже на нее! За то, что назвала именем умершего любимого! Пусть будет просто... просто...

– Эй! Вы чего тут расселись? – Густой бас позади подавальщицы заставил ее вздрогнуть, вскочить со стула. Девушка обернулась, покраснев до корней волос – не от стыда, конечно, от испуга и волнения. Лайам Налсон не отличался долготерпением – может не только оштрафовать за нарушение правил, но и хорошенько врезать по башке, а то и выгнать из трактира! А ей работа была ой как нужна! В нынешнее время не больно-то пристроишься на хорошую работу, где покормят, да еще и денег дадут! И чтобы еще и от клиентов перепадало. Даже шлюхой по нынешним временам устроиться в приличный трактир довольно проблематично, хотя в шлюхи Ламия идти не хотела. Хотя... если вдруг придется – куда деваться? Значит, судьба такая, значит, боги так распорядились. Мать-то надо кормить и лечить, она уже второй год не встает. И не помирает, хотя все просит богов ее прибрать. Не слышат боги, они только богатых слышат, больше никого... не до бедных им. Плохо все. Очень плохо! В нынешние времена не до чести...

– Это еще кто такой? – Трактирщик навис над парнем огромной волосатой тушей, на которой блестели капельки пота. – Проклятые смазливые поганцы! И не убьют же вас боги за ваши поганые привычки! Пошел вон отсюда! Вон, пока я тебя не выкинул сам!

Парень недоуменно хлопал глазами, когда трактирщик потянулся и схватил его за рукав:

– Я что сказал – вон отсюда! Я не обслуживаю вашенских! Пшел, скот!

Он рванул парня из-за стола, легко приподнял его, как щенка, и поволок по проходу между столами. Парень не сопротивлялся, лишь обернулся и с каким-то странным выражением посмотрел на подавальщицу, будто обиженный ребенок, не ожидавший такого к себе отношения.

И Ламия вдруг не выдержала:

– Стой! Лайам! Стой, демоны тебя задери! Ты что творишь?!

Она разогналась и с ходу, со всей силы пнула трактирщика в зад! Все накопленное за эти месяцы раздражение, вся боль, вся усталость, вся неопределенность и неудачи ее жизни вылились в этот пинок, от которого загудела ступня и резко заболел палец – похоже, что Ламия его сильно ушибла или вообще сломала. Сандалии, в которых она работала в трактире, совсем не были приспособлены к боевым действиям, особенно против такого внушительного зада, как у Лайама. «Все равно как в стену пнула!» – вздохнула она.

Трактирщик от неожиданности выпустил паренька и, багровея, медленно обернулся и пошел на девушку, сжимая пальцы в огромные кулаки. Возчики в углу радостно засмеялись, предвкушая хорошее представление, но трактирщик лишь спросил сдавленным от ярости голосом:

– Ты как посмела?! Ты чего себе позволяешь?! Ты вступилась за поганого мужеложца?! Охренела?!

– Это ты охренел! – Ламия сама не понимала, что на нее нашло, но ее просто-таки несло. – С чего ты решил, что парень мужеложец?! Он ушибленный на голову, больной, похоже, что по башке получил во время войны! Он сам себя не помнит, даже имени не знает! Какой, к демонам, мужеложец?! И вообще – какого хрена?! Даже если бы он и был мужеложцем – что, у них деньги другие?! Они-то платят лучше, чем некоторые жадные твари, от которых чаевых не дождешься! Вон сидят, ржут, как их поганые кони, – за все время по кувшину пива заказали, и все! Что выставились? Лучше бы заказали чего-нибудь, чем стулья просиживать зазря! Тьфу на вас! Парень пришел, принес деньги – пусть немного, но принес, а ты его вышвыриваешь, как собаку! А если бы твой сын так?! Если бы он не погиб, а скитался где-то по миру. И пришел бы вот так, не помня своего имени, а какой-то негодяй выкинул бы его на улицу, как напакостившего кота?! Соображаешь?! Люди мы или не люди, демоны тебя задери?!

В трактире стало тихо. Так тихо, что капли, падавшие из краника пивной бочки в подставленный ковшик, казались камнями, плюхавшимися в пруд. Все замерли,

зная взрывной характер трактирщика, его звериную силу и неуправляемый нрав.

На кухне замерла повариха, до которой докатились раскаты «грома», даже мыши в подвале перестали шуршать, почувствовав, что сейчас грянет гроза.

Но она не грянула. Трактирщик вдруг побледнел, опал, будто надутый бурдюк, в который ткнули кинжалом, бессильно бросил руки вдоль тела. Исподлобья посмотрел на Ламию, как если бы видел ее в первый раз, затем слабо махнул рукой:

- Ладно... пусть сидит. Подай ему... чего хочет. На что денег хватит.

Трактирщик тяжело зашагал к комнате позади стойки, Ламия страдальчески поджала губы – надо же, ударила по самому больному! И дернули же ее демоны за язык! Знала же, как Лайам тоскует по убитому на войне сыну! Вот зачем, зачем она все это начала?! Да еще и пнула хозяина в зад! Ай-яй...

- Ну ты смела?, девка! – уважительно протянула одна из шлюх, недоверчиво мотая головой. – Я думала, он тебя убьет! И все ради этого?!

Девушка кивнула на парня, медленнодвигающегося к двери, и Ламия спохватилась, что уже даже и забыла про того, с кого началось все это безобразие. Бросилась следом, схватила парня за руку, грустно улыбнулась и сказала, легонько вздохнув:

- Пойдем, покормлю тебя. Раз уж хозяин позволил. Не любит он у нас красавчиков, очень не любит, понимаешь?

- Нет, не понимаю. – Парень улыбнулся, и Ламия почувствовала легкое раздражение и раскаяние – ну зачем связалась с малахольным? Мало ли по стране бродит всяких ущербных, зачем ей этот? Только потому, что он красавчик? И честно себе призналась: да, поэтому. Был бы он не столь красив, необычен, она бы не стала с ним и говорить. А так...

А что – «так»? Да ничего! Покормит его за серебряную монетку, да и отправляйся куда глаза глядят! Что еще с ним делать-то?!

Ламия пошла на кухню, кухарка налила здоровенную миску горячей похлебки, дала горячую лепешку. Подмигнув, бросила в миску хороший кусок мяса, потом наклонилась к уху девушки и тихо сказала:

– Не переживай! Он так-то мужик отходчивый, хотя и крутой. Я уж десять лет на него работаю, знаю, как и что. Ничего не будет. А здорово ты его пнула! Хоть кто-то ему укорот дал! Ты на его жену покойную похожа. Ты ее не знала, а я-то хорошо помню – красивая была, как и ты. Шустрая такая! Он как разбушует – до драк доходило. Ка-ак... врежет ему сковородой! А он ее ка-ак... схватит! Да как начнет трясти, будто дерево! Хоть беги отсюда – так страшно! А потом ка-ак... завалится в постель – весь трактир ходуном ходит! Любовь была у них... Всем смешно было и... завидно. Сынок родился... хорошенький такой...

Кухарка отмахнулась полной рукой, смахнула слезу с глаза.

– А куда делась жена? Что с ней случилось? – с любопытством спросила Ламия, которую раньше мало интересовала жизнь хозяина – своих забот хватает, где тут о чужих думать!

– Погибла она. Убили, – вздохнула кухарка. – Грабители напали, колечко сняли... вместе с пальцем. Сережки – он ей недавно только подарил. Зарезали. Красивая баба была, жалко! А сын после этого взял и в армию завербовался. Ну и сгинул где-то на границе...

– Про сына-то я знаю, – пробормотала девушка, глядя на то, как светловолосый парень сидит за столом, с любопытством оглядывая трактир и его посетителей. Особенно – девиц возле окна. И взгляд его был каким-то... не таким, как обычно бывает у мужчин. Детским, что ли. Будто его интересовали не груди девушек, которые едва не вываливались из лифа, не бедра, обтянутые яркими платьями, а сами платья, дешевые побрякушки и вообще женщины как предмет, который был ему в диковинку. Как нечто красивое – статуэтка или картина, которые попались ему на глаза впервые в жизни.

– Да неужто про жену-то не знала?! – кухарка всплеснула полными руками, снова наклонилась к уху Ламии и тихо шепнула: – Поговаривали, что нашел он грабителей тех! Поняла?

– Убил? – похолодела девушка.

– Не просто убил. Он их разорвал на части! На мелкие кусочки! Куда голова полетела, куда ноги! И никто не видел, как он их убивал!

– Как же никто, раз говорят, значит, кто-то да видел! – резонно заметила девушка. – Не могло быть, чтобы никто не видел, а разговоры шли!

– Не знаю. Только вот говорят люди, а люди зря говорить не будут! Иди, корми своего ангелочка...

«Эндел! Вот как звали того ангела! – вдруг вспомнила Ламия. – И будешь ты у меня Энд! Вот так – Энд!»

Девушка усмехнулась, подняла поднос с миской, лепешкой и пошла к парню, тихонько сидевшему в углу.

Ему все тут нравилось – запах еды, запах пролитого пива, даже люди нравились – они были интересными. И можно помечтать, например – о женщинах. Какие они забавные... а еще – что-то будят в душе, какие-то воспоминания, будто вот-вот прорвется, сломается стена и он вспомнит все! Все, что с ним было! Кто он такой, зачем в этом мире и чего хочет от жизни...

Девушка поставила миску на стол, положила лепешку, и Щенок втянул ноздрями запах, как большой голодный пес. Улыбнулся Ламии, и та, сев за стол, подала ему деревянную ложку:

– Давай хлебай! Там и мясо есть, хорошее, – Шера тебе положила. Я решила, как тебя назвать, – Энд! Эндел!

– Энд или Эндел? – парень приостановился, глянул на девушку и снова заработал ложкой, с наслаждением поглощая похлебку. – Вкусно как!

– Эндел и Энд – одно и то же. Энд – это сокращенное от Эндел, ну чтобы долго не говорить. Легче ведь сказать «Энд», правда же?

– Правда! – расплылся в улыбке парень. – А попить не найдется? Воды?

– Воды – сколько угодно, и бесплатно! – тоже улыбнулась Ламия, а вот на пиво у тебя денег нет.

– А мне не надо пива! Я даже не знаю, что это такое. Мне просто попить!

Ламия кивнула, ушла, вернулась с кувшином ледяной воды – кухарка только что набрала ее из колодца, ругаясь на скаредность хозяина, который экономил на всем, на чем мог, – ну нет бы хоть самого завалящего раба купить, так он все хозяйство взвалил на их плечи! Вот как справляться на кухне, когда готовит одна она, да в помогают ей двое мальчишек-рабочих! Ну как так можно?!

– Меня Ламия звать, – задумчиво сказала девушка, глядя, как ест парень – спокойно ест, не жадно, хотя видно, что проголодался. – Ты что думаешь дальше делать? Как жить? На что жить? Чем зарабатывать будешь на пропитание?

– Я не знаю... – Он слегка растерялся и ненадолго перестал работать ложкой. – Может, ты мне что-то посоветуешь?

– А что ты умеешь?

– Умею? Не знаю... – Парень совсем расстроился и даже отложил ложку. – Я ничего не помню! Совсем ничего! Смотрю вокруг – и ничего не узнаю...

– Как же ты жил до того, как сюда пришел? – Ламия неверяще помотала головой. – Где брал пропитание?

– В лесу... я забирался на деревья, собирал фрукты и ел. Потом спал. Потом снова ел фрукты. И все... Сколько времени так было – я не знаю. Не понимаю.

– В лесу?! – ужаснулась девушка. – Да там ведь демоны! Они нападают на людей, разрывают их на части, едят! Как же ты выжил?!

– Не знаю. Выжил как-то, – нахмурился Щенок, не глядя в глаза Ламии.

Ну что он мог сказать? Что Рагх порвал бы любого «демона», который осмелился бы напасть на его друга? Что мама и папа порвали бы всех, кто посмел напасть на Рагха, а значит, и на него, Щенка? Что все сложно и запутанно и он не может

говорить правду?

- То-то ты такой худой... - вздохнула девушка и тут же добавила, лукаво прищурившись: - Но симпатичный! Тебе бы состричь твою дурацкую косу, вымыть тебя как следует, причесать - совсем был бы красавчик! Знаешь, что ты очень красивый, нет?

- Меня это как-то не особенно интересовало! - улыбнулся Щенок. - Поесть, попить, поспать... больше ничего.

- Как щенка какого-нибудь... - задумчиво сказала Ламия, глядя в пространство над головой парня и не заметив, как он вздрогнул при слове «щенок». - Ладно. Придумаем что-нибудь. Тебе некуда идти, насколько я поняла. Хочешь остаться тут? Будешь работать за еду, а иногда, может быть, и денежка перепадет. Хочешь?

- Я не знаю, - безмятежно сказал Щенок и снова принялся хлебать из миски. Облизал губы, посмотрел на девушку и пожал плечами. - А мне все равно некуда идти...

- Вот и славно! - почему-то обрадовалась Ламия, не глядя на парня. - Я сейчас поговорю с хозяином, и... хмм... если только он сам меня уже не уволил, постараюсь тебя пристроить. Он жадноватый, но так-то хороший человек. Есть у него один заскок, но... да ты уже знаешь.

- Он не любит красивых людей? - удивленно спросил Щенок. - Я слышал, как он говорил, что ненавидит красавчиков! А ты сказала, что я красивый! Он же меня ненавидеть будет, да?

- Он не красавчиков ненавидит. Он не любит мужчин, который спят с мужчинами, - хихикнула девушка и отмахнулась от возчика, который крикнул что-то от своего стола. - Да сейчас, иду уже, иду! Ну ладно, Энд, я тебе потом все объясню, хорошо? Пока что мне некогда! Сейчас обслужу этих увальней, потом схожу к хозяину и с ним поговорю. А ты ешь, ешь! Набирайся сил! Скоро они тебе понадобятся, или я не знаю нашего Лайама!

* * *

– Чего тебе?! – Лайам поднял глаза на девушку, и сердце ее кольнуло – глаза хозяина были красными и влажными. – Хочешь попросить прощения?

– Ну... да! – Язык Ламии едва не заплетался от страха. – Я не должна была тебя пинать!

– Да ладно?! В самом деле?! Да ну не может быть – ведь все работники пинают своих хозяев! – голос был бесстрастным, но в нем слышалась нотка ехидства. – А не хочешь ли меня побить палкой?! А может, лучше плеткой?

– Знаешь, хозяин, иногда тебя правда хочется стукнуть плеткой! – Ламию снова понесло, и она забыла обо всем – и о том, что перед ней сидит грозный хозяин, и о том, что в зале сидит этот... щенок, ожидающий ее помощи, что дома ждет больная мать. Ее будто распирало изнутри, распирало что-то накопившееся за месяцы работы, что-то отчаянное, такое, что овладевает бойцом, когда он бросается на вражеские ряды с яростным криком, не рассчитывая выжить, а лишь забрать с собой как можно больше супостатов. Злость, досада, отчаяние последних месяцев вылились в подобие бунта, которого вряд ли кто-то мог ожидать от довольно-таки хрупкой на вид симпатичной девушки.

– И за что же такая немилость? – Трактирщик теперь явно забавлялся, в глазах его прыгали маленькие демоны смеха. – Чем же я перед тобой провинился?

– Плохо дело у нас поставлено! – решила Ламия. – Не так надо работать!

– И как же надо работать? – уже серьезно спросил Лайам. – Поделись своими мыслями. Не бойся, я уже простил тебя за пинок. Я был не прав. Хотя сразу предупреждаю – еще раз позволишь себе на людях такое поведение, я не просто тебя вышвырну, а еще и морду разобью! Хозяин, допускающий, чтобы его пинали в зад, – не достоин уважения. Только потому, что ты красивая девушка, потому тебе прощение, – все подумали, что это ссора между двумя любовниками, а там чего только не бывает. Но больше – все! Поняла?

– Поняла... – Ламия зарделась, закусила губу и вдруг посмотрела на трактирщика другими глазами – а ведь он мужчина в самом расцвете сил! Ну да, отяжелел, но это ему даже к лицу, он просто огромный! Выглядит солидно... а то, что выпьет лишнего, так не валяется же по канавам! Работает, достаточно

справедлив и не обижает людей, если они его не обижают. А то, что жадноват, – так сейчас и времена трудные, что теперь поделаешь? И сам работает, и людей кормит. Ему всего за сорок! Ну... далеко за сорок, да, так он выглядит моложе многих молодых! Вон ручки какие! И с мужским делом у него все в порядке, девки говорили. Он время от времени пользуется их услугами в счет оплаты за место. Нормальный мужчина, все как полагается!

– Если поняла, так давай, говори – я уже голову сломал, как поднять прибыль! Если не знала, так я тебе скажу – слабая очень прибыль. Едва хватает, чтобы покрыть все издержки. У меня есть небольшой капитал – на черный день, но случись что-то, например пожар или еще какое несчастье, я останусь нищим, как босота на городской площади. Хмм... никогда не думал, что скажу это девчонке-подавальщице!

Лайам фыркнул, откинувшись в кресле, заложил руки за голову и посмотрел на Ламию, стоявшую перед ним и теребившую фартук:

– А ты красивая, да. А почему не замужем? Тебе лет-то вон уже сколько! В твои годы женщины целый выводок детишек имеют! А ты?

– А я не имею... – голос Ламии дрогнул и стал чужим, холодным. – Так сложилось. У меня больная мать, никакого капитала на приданое. Кому я нужна? Нет, так-то нужна – в постель, как шлюха, а чтобы замуж...

– И что, ни разу не было никаких предложений замуж? – Лайам удивленно поднял брови. – Уж красавице-то легче окрутить мужика! Вон сколько мужиков бегают, им только дай красивую жену!

– Тебе так только кажется, – вздохнула девушка. – После войны женщин просто море, и все рыщут, как акулы в открытом океане, куда мне, с довеском-то? Больной матерью?

– Присядь... – Лайам посмотрел на девушку из-под тяжелых бровей, кивнул на кресло напротив. – Выкладывай свои мысли.

Ламия присела на кресло, собралась с мыслями и начала:

– Мы берем клиента дешевизной и вкусной едой. И что получается? К нам приходят те, кто хочет экономить, нищие.

– Так все после войны нищие! – не выдержал трактирщик. – Задерешь цены – и что тогда?! Кто пойдет?! Я нарочно так делаю!

– Разве все после войны нищие? – Ламия улыбнулась и отрицательно помотала головой. – А сколько торгашей нажились на войне? Сколько их осело тут, в городе? Ты решил, что надо брать количеством. И что вышло? Еле-еле сводишь дело, почти в ноль! Так зачем тогда такое дело?

– Давай конкретно – что предлагаешь? Или это просто так... мысли вслух?

– Я предлагаю сделать трактир другим. Пусть он будет для обеспеченных людей, для богатых! Нужно изменить обстановку – столы красивые, скатерти, еду изысканную, дорогую, а не только простую. Нанять повара, который любит делать дорогие, изысканные блюда, попросить художника нарисовать картинки этих блюд. Пусть будет дорого, зато ни у кого нет! А еще сделать так: пустить слух о том, что в этом трактире подают самые изысканные яства, достойные королевского стола! А чтобы сюда потянулись богатые люди, пригласить музыкантов, пусть играют, приглашать комедиантов, жонглеров, всех, кто может повеселить публику! Придут на представление – обязательно что-то купят, ведь голодными сидеть глупо! У нас огромный зал, почему мы только кормим, почему не устраиваем представления? Можно и за вход брать! Потом, когда все привыкнут! А еще – сделать так, чтобы здесь было безопасно. Кто бы ни был, купец, возчик или дворянин, как начнет буяннить – сразу за порог. И не пускать в грязной одежде – только чистыми, только в выходной одежде! Никаких вонючих возчиков, пахнущих лошадиным потом! И вот еще что – известить богатых людей, что открылось такое заведение, напечатать специальные бумажки-приглашения, с указанием, что их ждут в гости и что им бесплатно будет предоставлен кувшин лучшего вина и вкусная закуска! Ты увидишь, как эти жадные твари полетят за дармовым угощением, а когда придут – волей-неволей оставят здесь звонких монет достаточно, чтобы перекрыть понесенные нами расходы! Увидишь, это будет лучший трактир в городе! И даже в стране!

Трактирщик смотрел на Ламию не моргая, не перебивал и, когда девушка закончила свою пылкую речь, долго молчал, будто переваривая сказанное. Потом улыбнулся и, недоверчиво покачав головой, сказал:

– Как это я тебя столько времени не замечал? Ты давно уже у нас работаешь, с полгода, да? А я... м-да. Видать, ты давно эту идею вынашиваешь, так?

– Давно! – покраснела девушка. – Я ведь и в других трактирах работала. Где-то долго, где-то не очень...

– А чего ушла оттуда? – небрежно спросил Лайам, в общем-то зная ответ. – Я только знаю, что ты работала у Ангура, в его «Сломанной подкове», и там с тобой что-то не то было... шум какой-то. Что там случилось?

– Не захотела обслуживать его сына и самого хозяина! – не смущаясь, сказала девушка. – Они неплохо платили, но... это не то, на что я рассчитывала! Я не профессиональная шлюха! И вообще не шлюха! Пусть себе ищут подстилок в другом месте! Когда я к тебе устраивалась на работу, сразу спросила – помнишь? – надо ли будет с тобой спать! Ты сказал – нет. Вот я и работаю, хотя денег у тебя получаю меньше, чем могла бы в другом месте. Нет, я не против шлюх – они всегда были и будут, но я еще не готова зарабатывать таким способом. Еще не дошла до такого отчаяния. Кстати, с девушками тоже надо решать. Взять чистых, дорогих, и комнаты их сделать красивыми! Чтобы не стыдно было солидных клиентов принять!

– Ты грамотная? Читать, писать, считать умеешь?

– Умею. Мама дала мне образование. Я в школе четыре года училась! Прилежно училась!

Трактирщик кивнул, прикрыл глаза и замер, как спящий зверь. Теперь он почему-то не казался Ламии таким страшным. Может, из-за того, что она уже попробовала крепость его зада своей ногой?

Ламия невольно хихикнула, стараясь, чтобы хозяин не услышал, но, видимо, скрыть от него смешок не удалось. Трактирщик приподнял брови и усмехнулся:

– М-да. Интересная ты девушка. Ну что же, я подумаю над твоими словами. Иди к клиентам, проекты проектами, но людей нужно обслуживать! Ты еще что-то хочешь сказать?

– Да... – девушка неуверенно потерела край фартука. – Парнишка... давай его оставим? Нам все равно нужны рабочие руки – таскать, рубить, колоть, а он вроде крепкий парень!

– И красавчик, да? – голос трактирщика был грозным, а глаза смеялись. – И что я ему должен платить?

– Он готов работать за еду! – горячо бросила Ламия, чувствуя, что победа близка. – Ему некуда идти, и он не знает, как жить дальше! Пусть кормится, ну... дашь ему что-нибудь еще, чтобы одевался-обувался, а там уже посмотрим, что из него получится. Он не знает, что умеет! Ничего не помнит. Его зовут теперь Энд! Я ему такое имя дала. Энде! Правда же, он похож на ангела? Нет... ну я просто... надо же как-то его называть? Ну не щенком же? Он похож на щенка, который только что оторвался от матери. Жалко его...

– Жалко! Всех не пережалеешь, девочка моя! – бросил трактирщик сварливо и поднялся на ноги. – Иди! Работай! А я думать буду. Оставлю я твоего щенка, не переживай. Только выпускай погадить вовремя, чтобы весь трактир не засрал! Хе-хе-хе...

Трактирщик развернул Ламию вокруг оси, подтолкнул к дверям, хотел добродушно стукнуть ее ладонью по задку, но замер, вздохнув. Он уже не мог причислить ее к разряду полушлюшек, которых немало прошло через трактир. Девушки приходили, уходили, не оставляя в памяти ничего, кроме очертаний фигуры, фартука и заколотых волос. Не люди – инструменты, такие же, как нож, топор, мясорубка. Появились в жизни, исчезли – как и не бывало. А вот Ламия вдруг проявила волю. И это было так же странно, как увидеть ожившую мясорубку. Оказалось, что у «мясорубки» есть мозги!

А предложение Ламии и правда было интересным. Стоило его обдумать. Конечно, тут масса подводных камней, и ошибиться нельзя – разоришься на раз, но если это все сработает...

Трактирщик проводил взглядом девушку и снова задумался – как она похожа на покойную Магду! Не лицом, нет, та была светловолосая, похоже, что в предках были росты... если только фигура похожа... Нет, похожесть в другом – характер и ум! Когда жена была жива, трактир процветал. Народа было не в пример больше и клиенты почище.

Действительно, в последние годы все больше стало нищего сброда, от которого только шум, грязь да драки. Пропали многие завсегдатаи, любившие посидеть с кружечкой пива, поговорить о жизни, поиграть в кости и послушать музыканта, который приходил по вечерам. Теперь музыканта нет, в кости играют только возчики да наемники, увешанные оружием, как стены арсенала, а драк стало больше настолько, что сюда не заходит уже ни один более-менее приличный человек. Если он только не приезжий.

Пришлось даже содержать вышибалу для вечерних разборок, а разве было такое раньше? Он, Лайам, всегда и сам справлялся с буянами! Стареть стал...

Эх, где ты, Магда, любимая... сидишь сейчас себе на небесах и смотришь на своего муженька! Чистенькая, красивая... как всегда. А ты тут мучайся, думай, как жить!

В армии было легче – там за тебя думают. А когда трактир купил, Магда была, она подсказывала. После ее смерти все пошло кувырком.

И сын... ну зачем, зачем он сбежал в армию, ах ты дурак, дурак... и где теперь твоя могилка? Никто не знает. Может, бродит по свету, как этот вот парень, – без памяти, попрошайничая, пытаюсь выжить. Да, Ламия, сумела ты ударить в самое больное место! И чего он, правда, прицепился к парню? Ну дали ему боги красивое личико, его ли вина?

Да и насчет мужеложцев девка права – какого черта? Деньги не пахнут! Плевать, чем они там занимаются... полезут к посетителям или к нему – выкинуть на улицу. А так – пусть жрут, пьют, чтоб у них задница лопнула, извращенцев!

Трактирщик подошел к большому секретеру красного дерева с многочисленными ящиками, открыл один из них, достал маленький, размером в две ладони портрет на холсте и поставил перед собой на полированную поверхность секретера, прислонив к вазе, которую когда-то купила та, что была изображена на портрете.

Художник нарисовал картинку буквально за минуты, смелыми мазками, но его гениальная рука ухватила главное – страсть, красоту и ум. Девушка улыбалась, и было в ее взгляде что-то такое, что-то неуловимое – некая колдовская

притягательность, за которую Лайам полюбил ее с первого взгляда.
Притягательность... как у этой вот... Ламии!

Вот чем они похожи! – понял трактирщик. – Душа! А может, в Ламию вселилась душа Магды? А что? Пишут же, что души могут вселяться в живых людей! Может, и душа Магды поселилась в этой девчонке?! Когда та сегодня говорила, казалось – это Магда с ним говорит! А ведь девочка может сама не понимать, не знать, что в нее вселился другой человек! Может, случилось чудо?

Трактирщик взял в руки портрет, осторожно приложил к губам и отодвинул от себя на вытянутую руку. Глаза почему-то затуманились, и ему вдруг показалось, что Магда подмигнула! А еще – скорчила смешную мордашку, будто подсмеивалась над незадачливым «Громилой-мечником», как она его называла наедине, в приступах игривости!

Трактирщик замер с портретом в руках, не в силах продохнуть, снова вгляделся в портрет, но... наваждение ушло. Вместо живой Магды теперь перед ним был небольшой кусок холста, на который быстрая рука художника набросала несколько мазков краски...

И тогда в голове снова прозвучали крики – истошные, исходящие из самой глубины тела, крики не горлом, но животом. Так кричат те, кого медленно режут на куски, заботясь только о том, чтобы убиваемый умер не сразу. Чтобы испытал как можно больше мук, страшных мук, адовых мук, тех мук, которые он, палач, испытает на том свете, когда станет отвечать за свои деяния.

Но это будет потом. А пока что все эти твари ответили за свое преступление. И Магда успокоилась, перестала приходить к нему ночами во сне и просить об отмщении!

Они ответили. Они получили свое. И Лайам ни в чем не раскаивался – ни секунды.

Но вот только это не вернуло ему Магду...

* * *

– Эй, ты чего к нему пристал? – Ламия ворвалась в зал и с ходу уцепилась за рукав здорового мужика, который нависал над Эндом. – Чего надо?!

– А чего он... не мужик, что ли?! Предлагаю ему выпить, а он... красавчик! Что, с настоящим мужчиной не хочешь поговорить?

Щенок сидел спокойно, но улыбка с его лица сошла. Он недоумевал – ну почему этот странный, дурно пахнувший человек не хочет от него отвязаться? Сказано же – ничего не нужно! Вежливо сказано, без оскорблений!

– Отстань, сказала! – Ламия толкнула возчика, но это было все равно что толкнуть скалу. Возчик только ухмыльнулся и, отвернувшись от Щенка, облапил девушку, запустив пятерню ей за пазуху. Девушка взвизгнула, выругалась, ударила пьяницу в лоб, отбив об него руку. Возчик взревел, рванул лиф платья Ламии вниз, материя с треском разорвалась, обнажая красивые небольшие груди с торчащими сосками. Девушка завизжала, попыталась ударить буяна, и тогда возчик взревел и метнул ее так, что Ламия упала на стол, почти потеряв сознание от удара. Возбужденный громила шагнул к столу и под восторженные крики товарищей, подзуживающих его, задрал на Ламии юбку, обнажив простые полотняные трусики с заплаткой почти на том самом месте, но... отлетел в сторону, будто сшибленный с ног порывом ветра.

Он мог бы поклясться, что его никто не касался, но факт есть факт – будто невидимой рукой он получил такую оплеуху, что зазвенело в ушах.

Возчик вскочил, оглядываясь по сторонам, но никого возле него не было – кроме парнишки-красавчика, голубые глаза которого смотрели холодно, будто две льдинки:

– Уходи. Я не хочу причинить тебе вреда.

Возчик оторопело помотал головой, изгоняя из мозга дурман и ошеломление после падения, потом до него дошло, и он шагнул вперед, заноса над головой здоровенный, веснушчатый кулак:

– Ты?! Мне! Вреда?! Поганый мужеложец!

Возчик размахнулся, ударил, очнувшаяся Ламия страшно завизжала, видя, как громадный кулак приближается к лицу Энда... но ничего не случилось. Возчик промахнулся, ударив лишь воздух, по инерции прогнулся вперед, потерял равновесие и со всего маха грохнулся на выскобленный пол, копошась на нем, как раздавленный червяк.

И больше ничего не успел сделать – короткая дубинка темного дерева громко стукнула его по затылку. Буян замер, уткнувшись лицом в половицу, а трактирщик оглядел зал налитыми кровью глазами и хриплым голосом с едва сдерживаемой яростью спросил:

– Еще кто-то хочет?! – Лайам наклонил голову, исподлобья посмотрел на притихшую компанию возчиков, снова спросил: – Ты – хочешь?! Или ты?! Пошли вон отсюда! Ламия, они расплатились?

– Да! – пискнула девушка, придерживая на груди разорванное платье. – Расплатились!

– Хорошо. Вон отсюда, твари! Стоять! Сейчас заберете эту падаль! – Он наклонился к лежащему в беспмятстве возчику, обшарил карманы, нашел кошелек, вытряс из него на ладонь несколько монет, сунул их обратно и бросил кошелек на стол возле Ламии. – Это за ущерб! Забирайте поганца, пока я не вызвал стражу! И чтобы больше я ваших рож здесь не видел, уроды!

Возчики подхватили товарища и, положив его руки себе на плечи, вывели из трактира. Уже в дверях один из них пробормотал мутную угрозу в адрес Лайама, что-то вроде: «Мы исчо встренемся! Ужо тогда тебе!» – но трактирщик сделал шаг в его сторону, и грозящий тут же исчез за порогом, оставив за собой шлейф запаха пива, пота и жвачки, от которой изо рта текли черные слюни. Ее очень любили возчики в дальних рейсах – она не давала спать, а всегда существует опасность упасть с козел прямо под колесо фургона. А это если не верная смерть, то увечье – наверняка.

Трактирщик посмотрел по сторонам и сел на стул, устало опустив руки на колени. В зале было пусто – когда-то уже успел сбежать купчик, наливавшийся пивом с самого утра, будто испарились шлюхи, обладавшие способностью распознать скандал и драку за пять минут до начала свары. В зале тихо и пусто – только Ламия, трактирщик и голубоглазый парень, внимательно

разглядывающий дубинку, которую трактирщик бросил на стол.

Взяв дубинку в руки, Энд вдруг сказал, взвесив оружие на ладони:

- А наверное, больно получить такой палкой по башке!

И тогда трактирщик захохотал. Он смеялся долго, вздохнул, утирая глаза, выливая в этом истерическом хохоте все, что накопилось у него за месяцы, за годы.

А когда перестал хохотать, кивнул и спокойно, дружелюбно сказал:

- Да, больно.

И тут же добавил:

- Ламия, завтра утром закрываемся на реконструкцию. Я решил поступить, как ты предлагала. А ты, парень, пойдешь со мной - я покажу тебе твою комнату. Не велика комнатка - так и ты не дворянин. Будешь работать на меня. Еда, комната с меня - одежду покупаешь сам. Два серебряника в неделю - твое жалованье. Ну и то, что дадут посетители, - я не отбираю чаевые у своих работников. Будешь делать все, что тебе скажу. Вот что, Ламия, научи его, как подавать блюда, как обслуживать клиентов. В хороших, дорогих трактирах работают подавальщики - обычно они обслуживают столики, за которыми сидят женщины. И вот еще что, займись его внешностью - пусть вымоет голову, подстриги или отведи к цирюльнику - я дам денег... в счет его жалованья. Кошель возьми себе - на новое платье. Там хватит. И... ты не знаешь, где можно нанять хорошего повара?

Глава 3

Тум! Тум! Тум!

Топор взлетал вверх и опускался размеренно и точно, со звоном разлетались поленья, спина парня, перевитая узлами сухих, твердых мышц, блестела на

солнце капельками пота.

Энд уже не был таким бледным, как тогда, когда впервые пришел в трактир. Работая на заднем дворе под лучами палящего солнца, он давно уже стал смуглым, хотя и не таким смуглым, как большинство людей вокруг. Его выдавал цвет загара – золотистый, а не красновато-черный, как у других, а еще глаза – синие, яркие, как драгоценные камни.

За то время, что парень жил в трактире, он почти не изменился – если не считать прически и загара. Такой же добродушный, улыбчивый и... худой, как раньше. Он мог съесть невероятное количество еды в любое время суток, но не добавил ни грамма жира на своих поджарых боках.

Как оказалось, Энд был невероятно силен и быстр. Лайам знал толк в силачах, сам был сильнее многих и в молодости раскидал бы человек пять обычных парней, даже не запыхавшись, но этот вечно улыбающийся парень... Каждый раз, когда трактирщик видел случайные проявления способностей своего работника, – поражался. Например, тот походя, даже не задумываясь, успевал поймать кружку, сбитую со стола неловким посетителем, – мгновенно, как ловил муху в полете. А он ловил! Трактирщик видел это сам – летит муха, жужжит себе, ни о чем не подозревает, и... щелк! Она уже в пальцах погубителя! И тот так ловко ее хватает, что даже не видно движения!

А бочка, скатившаяся с возка? Бочка с дорогим вином, бочка, в которой не меньше десяти ведер красной жидкости стоимостью серебреник за кружку! Если бы не Щенок, как его прозвали за глаза (прижилась кличка с легкой руки Ламии и Лайама), он легко подхватил бочонок, уберегая от удара о булыжную мостовую, и без натуги поставил на землю. А потом по приказу трактирщика отнес его в зал, и по парню не было видно, чтобы он особенно надсадился. Другой бы на его месте катил бочку, рискуя ее разбить, а этот просто вскинул на худой загривок и пошел, даже не шатаясь и не краснея от натуги. И таких случаев было несколько.

Лайам человек наблюдательный, умный, он подмечал все, что происходило вокруг его заведения. Тот, кто не следит за флангами, рискует проиграть битву – нередко говорил командир, и Лайам запомнил эту простую, но жизненно важную истину. И теперь, когда воинская служба давным-давно закончилась, применял это правило в повседневной жизни, ведь жизнь – борьба! Не уследишь – погибнешь, мало ли врагов мечтает нанести вред успешному человеку!

А в том, что его трактир будет успешным, Лайам теперь не сомневался. Месяц прошел с того времени, как Ламия предложила переоборудовать помещение трактира, изменить политику в отношении клиентов, и три недели понадобилось, чтобы воплотить ее идеи в жизнь.

Зал трактира сиял чистотой, столы и стулья, хотя и остались прежними, были украшены причудливой резьбой и покрыты светлым лаком.

От скатертей решили все-таки отказаться, трактир – место, где проливают, пачкают, вытирают руки попавшейся под них тряпкой. Расходы на скатерти, на их стирку, замену выливались в такие деньги, что это могло быть сравнимо с самыми большими трактирными расходами, например – на приобретение дорогого вина. Лучше за эти деньги купить лишнюю бочку драгоценного напитка, чем выбрасывать их в пустоту на безнадежно испорченные посетителями тряпки. И неважно, что посетители теперь в основном обеспеченные и даже богатые люди, – пьяный человек, даже если у него имеется несколько поместий и кругленький капитал в банке, превращается в такую же скотину, как и какой-нибудь пропахший конским потом возчик, который читать и писать не умеет и лишь виртуозно владеет самыми причудливыми оборотами площадной ругани.

Были сооружены отдельные кабинеты – для тех, кто не хотел, чтобы их видели в общем зале, когда они пришли заключить сделку или потискать жену делового партнера. А для особых клиентов, тех, кто принадлежал к местной элите, имелись кабинки и получше – на втором этаже, над входом, на балконе. Пришлось строить этот балкон, благо позволяла высота потолков. Этот трактир тем и отличался от многих других, что огромный зал и высокие потолки позволяли перестроить его так, как хочешь.

Часть пространства на втором этаже занимали комнаты постояльцев – двадцать комнат, из которых большинство пустовало. Их использовали девицы – водили туда клиентов, за что отдавали трактирщику половину полученной от клиентов платы.

Впрочем, платили они не только и не столько за комнату, хотя и это было важно, ведь не под куст же вести горящего желанием мужика (хотя и такое случалось). Это была плата за разрешение работать в трактире, подцеплять клиентов. Да и охрана тоже кое-чего стоит. Будешь работать на улице – живо окажешься в

подвале у какого-нибудь извращенца. Либо на цепи в низкопробном портовом борделе, удовлетворяя самые низменные и грязные прихоти мерзких, прогнивших от дурных болезней клиентов.

Девушки еще и раскручивали посетителей на покупку дорогих вин, имея свой процент с оплаты заказа. Трактирщик всегда зорко следил за тем, как в зале работают допущенные к делу девицы, исправно выплачивая им то, что положено выплатить.

Теперь и девицы здесь были другие. Прежним – беззубым, потасканным, с лицами, на которых отразилась вся их печальная, бурная жизнь, – Лайам от места отказал. Они просили, даже рыдали, потом проклинали и сулили жестокому трактирщику неисчислимыя беды, говоря, что пойдут к колдуну и тот напустит на него мор, черный понос и другие гадкие страдания, но... Лайам был непреклонен. Дело есть дело. Здесь будут работать только те девушки, на которых приятно взглянуть, молодые, красивые... дорогие. Те, ради которых человек может прийти не раз и не два, те, которые не заливают свое женское горе литрами дешевого вина и настойкой наркоты.

Наркота вообще была под запретом. Лайам сразу предупредил персонал – заметит, выгонит с треском, без жалованья и со сломанными ребрами. Это заведение не для наркош, и персонал будет работать так, как требует хозяин, или идет куда подальше!

Персонал, конечно, пришлось набрать в несколько раз больший.

Начали с повара – благодаря Ламии, не потерявшей связи с персоналами других трактиров, где она работала раньше. Вышли на повара, который самоучкой стал одним из лучших поваров в королевстве, если только не самым лучшим.

Этот парень работал в приличном трактире купеческого квартала, не так далеко от трактира Лайама, и получал очень неплохие деньги, однако мечтал совсем о другом – о самовыражении, о том, как будет создавать эксклюзивные блюда, достойные королевского стола, блюда, которыми прославится на весь мир! Суровая действительность не давала ему развернуться как следует – мрачные трактирщики, похожие на Лайама своим отношением к клиентуре, гасили души прекрасные порывы и не давали ему создавать блюда типа: «Змея гангута, вымоченная в вине и пряностях, запеченная на медленном огне, на ароматных

дровах южного дерева нугс» или «Печень дикой гуготы, томленная с чернилами каракатицы, в соусе из пряных семян травы езд, которую собирают только в дни весеннего равноденствия на южном побережье океана». Презренная баранья нога со специями, да похлебка и пироги с олениной – вот предел мечтаний купчишек и возчиков! Нет простора фантазии, нет возможности показать себя, возвысившись над тупой толпой кухарок и поваров, неспособных правильно снять шкуру со змеи или приготовить торт, тающий во рту, как снег на вершинах гор под палящим летним солнцем!

Настоящий мастер всегда мечтает перейти на другой уровень, обрести такое мастерство, чтобы о нем говорили как о Великом Мастере, гордости королевства! А как этого добиться, если ты изо дня в день смотришь на глупые физиономии посетителей, не различающих, если вместо хорошего меларнского – серебряник за маленькую кружечку – им налили бросовое хинское, по медяку за кружку! У этих людей нет вкуса. Только воспитанные на качественном продукте могут понять, что такое настоящее качество! Богатые купцы, дворяне или сама королевская семья!

Увы, о королевском столе Магусу Калеросу мечтать не приходилось – куда ему, с его происхождением из семьи башмачника, молодому, двадцатисемилетнему парню мечтать о том, чтобы готовить для королевского стола? Там работают потомственные повара, целые династии поваров! Его же участь – готовить для серого быдла. И читать старые свитки, книги, фолианты, в которых описывались древние способы приготовления пищи, отличавшиеся большой изысканностью и прихотливостью.

Магус все свободное время посвящал изучению кулинарного искусства и был уверен, что далеко ушел вперед от тех, кто славился по стране изысканной кухней. Просто у него не было возможности себя показать!

Так что зерна упали на давно уже подготовленную, взрыхленную, унавоженную почву, – когда Ламия явилась к Магусу с деловым предложением, рассказала, чего от него хотят, молодой повар сбросил фартук, молниеносно собрался и покинул трактир, где он работал, – под вопли, стенания и туманные угрозы теперь уже бывшего хозяина.

подавальщицы – молодые, красивые девушки в специальных нарядах, что-то вроде формы (тоже задумка Ламии), – были похожи не на простых подавальщиц, а на фрейлин императрицы, обязанность которых – не посуду грязную таскать, а

составить компанию высочайшим особам в их повседневных забавах – играх, балах и политических интригах.

Девушек набирали отовсюду – с улиц, с рынка, по трактирам, наскоро обучили, как и что им следует делать, и скоро они уже работали, не без ошибок, но вполне уверенно, довольные хорошим жалованьем и щедрыми чаевыми.

Ламия была уверена, что часть из них точно придется отсеять в процессе работы, но, пока не начнут работать, все равно не узнаешь, чего стоят эти работницы.

Нашли и музыкантов, договорились и с комедиантами. Девушек для постельных утех тщательно отбирали – ну какой трактир без девиц-профессионалок? Секс должен возбуждать аппетит и жажду, увеличивая доход заведения, да и деньги, что платили девушки за «рабочее место», совсем даже не были лишними.

Чего не было в трактире, так это рабов. Лайам считал, что от рабов нет в его делах никакого прока. Они работают из-под палки, со страхом, а потому работа их всегда плоха. Лучше набрать настоящих работников, за жалованье, а если будут плохо трудиться – выгнать и набрать новых. А что делать с рабом, если он плохо работает, глуп и безответствен? Истязать, пока не начнет работать как следует? А если он не может? Продать нерадивого? А зачем тогда покупал?

И кроме того, раб, какой он ни есть, стоит очень даже приличных денег, а с деньгами у Лайама было уже не слишком хорошо. Он потратил все – и заначку на черный день, и даже заначку, которую прятал на «совсем уж черный день». Хорошо, что с ремонтом уложился всего в месяц, иначе пришлось бы идти к процентщикам, а они так просто денег не дают, только под залог. Закладывать трактир? А если прогоришь?

Но пока что все показывало – Ламия не ошиблась. После того как мальчишки-посыльные разнесли приглашения по богатым домам, в трактир потянулись важные клиенты. Вначале осторожно, любопытствуя, а потом...

Буквально за неделю слух о новом заведении разнесся по всему городу, и теперь вечерами здесь было не протолкаться, хотя вышибалы пропускали не всех. Если человек не нравился, если был одет не так, как полагается быть одетым в приличном заведении, – его не пропускали, даже если он грозился «разнести эту

лавочку по камешкам!», «разбить башку поганому трактирщику!» и даже совершить с хозяином заведения гнусные мужеложские и натуральные деяния, описываемые со вкусом, с упоминанием родственников супостата – женского и мужского пола и любого возраста. Но это не действовало. Вышибалы, бывшие бойцы Арены, умели держать удар и в прямом, и в переносном смысле. Особо буйных быстро укладывали рядом под соседним деревом в очень даже бессознательном состоянии, остальные буяны, убоявшись изборожденных шрамами рож и могучих плеч, покидали место сражения бесславно, чтобы вновь явиться в самых своих лучших одеждах. Или чтобы не приходиться сюда уже никогда, довольствуясь более простыми и непритязательными заведениями.

Ламия теперь не ходила между столами, разнося еду и напитки, она руководила персоналом, налаживая работу, обычно сидя в углу, где у нее имелся свой персональный столик. С этого места хорошо был виден зал во всех его подробностях, так полководцу видно место сражения с высокого холма или специального помоста.

Лайам занимался поставками, обеспечением. Ну и всем остальным, чем всегда занимается трактирщик. Теперь он не стоял в зале и... не разливал вино. Этим занимались специальные люди.

Персонал трактира увеличился в несколько раз. Как и доходы. И эти доходы продолжали расти.

Энд легко подхватил тяжеленный чурбак, даже не изменившись в лице. Поставил его на попа... удар! Сырая сучковатая древесина захватила топор, не желая выпускать его из своих крепких объятий, парень перехватил рукоять, расставив пошире ноги, одним движением вскинул топор с чурбаком вместе над головой и, резко опустив, ударил обухом по бревну. Чурбак не выдержал и все-таки разлетелся, а Ламия выдохнула воздух, вдруг поняв, что с минуту стояла, затаив дыхание.

– Красиво, правда? – с непонятной интонацией спросил бесшумно подкравшийся Лайам, и Ламия вздрогнула, бросив на трактирщика сердитый взгляд. – Извини, я думал, ты меня слышала.

Лайам усмехнулся и подмигнул порозовевшей девушке:

– Что, засмотрелась на молодого парня? Соблазнительно выглядит, а? И я когда-то был таким же молодым, шустрым и... добрым. Хороший парнишка. Только странный. Очень странный!

– Тебе все, кто не пьет вино и не бьет морду, кажутся странными! – фыркнула Ламия. – Тебе не кажется это не очень нормальным?

– Но-но! Не так уж много я и пью! – ухмыльнулся трактирщик и тут посерьезнел. – Понимаешь... он слишком силен для своих лет. Двигается так, будто долго занимался боевыми искусствами – поверь, я знаю в этом толк. Видел таких мастеров – они не просто двигаются, они экономно двигаются, ни одного лишнего движения... все точно, четко... умело... хмм... не знаю, как передать! Смотришь и понимаешь, что против него моя сила, мое умение – ничто! И этот парень такой же. Ты видела, как он разбил чурбак. Знаешь, сколько тот весит? А он его одним движением! Представь, если ударит мечом! Или тем же топором. А помнишь ту драку, когда возчик тебя попытался изнасиловать? Как Щенок сумел сбить его с ног? А ведь и пальцем до буяна не дотронулся! Я уже некогда видал такое. Только лучшие из мастеров, высшие мастера обладают такой способностью. И то – за всю свою жизнь я встретил только одного такого человека. И вот этот – второй. Я спрашивал его. Но он лишь улыбается, как ненормальный, смотрит на меня своими дурацкими голубыми глазенками! Иногда мне хочется врезать ему по башке...

– Знаешь, почему он тебя раздражает? Иногда и меня, – Ламия улыбнулась уголками губ и вздохнула. – Потому что он напоминает нам, как мы несовершенны, грубы, злы, жадны! Как ангел, слетевший с небес, – сравнивать себя с ним все равно как класть новую рубаху рядом с половой тряпкой. Понимаешь?

– Эх ты завернула! – Трактирщик широко улыбнулся и привлек Ламию к себе, обняв за плечи левой рукой. – Откуда же ты такая умная взялась-то, а?

– Откуда и все, – ухмыльнулась девушка. – У мамы спроси! Она тебе точно расскажет, откуда!

– Кстати, как она? – тут же спросил Лайам, теребя прядь волос Ламии, вырвавшуюся из-под шляпы, укрывавшей лицо от солнца.

– Лучше, гораздо лучше! – живо ответила девушка. – Ей бы лекаря-мага! Он бы точно поставил ее на ноги!

– Вот немного подзаработаем, найму хорошего мага! – кивнул Лайам. – Погоди немного. Сейчас с деньгами плоховато, каждый медяк на счету. Деньги идут, но... закупки все съедают. Дорогое вино денег стоит, пряности, редкости всякие... сама знаешь.

Они помолчали, глядя на то, как Щенок расправляется с очередным чурбаком, и через минуту Лайам бесстрастно бросил:

– Заработаем – вылечим твою мать и... свадьбу устроим. Настоящую свадьбу! Хочешь?

Ламия отстранилась, грустно поджала губы, вздохнула:

– Может, не надо? И ты уже не молоденький мальчик, и я... не девочка. Глупо будем выглядеть. И... ты уверен, что нам нужно стать официальными мужем и женой? Может, пока подождать?

– А чего ждать? – пожал могучими плечами трактирщик. – Я тебя люблю, хочу, чтобы ты была моей женой! Готов в любой момент пойти с тобой в храм Создателя и закрепить наши отношения!

– Лайам, я же тебе говорила – я не люблю тебя! Я к тебе очень хорошо отношусь, считаю своим другом, что странно, – мы и знаем-то друг друга всего ничего, несколько месяцев! Да, за этот месяц мы сдружились, мне интересно с тобой общаться, ты мне приятен, но... любви нет! Сердцу не прикажешь любить, Лайам, пойми!

– Это из-за него? – трактирщик кивнул в сторону Щенка и свел насупленные брови. – Ты в него влюблена?

– В него? – задумалась девушка. – Если только как в младшего брата. Ты посмотри на него – он же... Щенок! Ну да – тело, как у настоящего мужчины, но душа... он же настоящий ребенок! Нет, если бы я и влюбилась, то в такого, как ты, – ты настоящий мужчина, да. О таком мужчине женщина может только

мечтать – ты сильный, ты умный и добрый тоже, да! Я знаю – ты добрый, но...

– Так за чем дело-то стало?! – выходи за меня замуж, и все! Ты не пожалеешь! – горячо выдохнул Лайам, хватая девушку за плечи. – Моей любви хватит на нас обоих! Я знаю, ты меня все равно полюбишь! Я хочу, чтобы ты была со мной! Никого, кроме тебя, не хочу!

Ламия посмотрела в покрасневшее лицо Лайама и вдруг подумала: «А правда, чего я кобенюсь?! Другая бы на моем месте прыгала от радости – одинокий, обеспеченный, любит – чего еще надо?! И матери поможет, и дети, когда будут... тоже не оставит! Дура я все-таки, ей-ей... не зря мне мама это говорила! И за башмачника не вышла, и за пекаря – мол, не по любви ведь! Так всю жизнь любви и прожду. А есть ли она, любовь-то?»

Ламия невольно снова посмотрела на Энда, покусала губу и тихо сказала:

– Я подумаю. Наверное, ты говоришь все правильно. Только вот...

– Да ничего не «вот»! – Трактирщик взмахнул рукой, и лица Ламии коснулся порыв ветра, возникшего от энергичного движения огромной ручищи. – Через неделю праздник урожая, начинается неделя свадеб – вот мы с тобой и поженимся! Ну, соглашайся! Чего думать?! Сама знаешь – это правильно!

– Хорошо, я согласна. – Девушка кивнула и наклонила голову, пряча глаза. – Надеюсь, у нас получится.

– Получится! Обязательно получится! – Трактирщик сграбастал взвизгнувшую от неожиданности девушку в могучие объятия и, подняв на руки, пошел к трактиру. Ламия лежала на его руках, улыбаясь в синее небо, и думала о том, что, возможно, жизнь не так уж и плоха. И она, Ламия, – не такая уж неудачница! А еще – что Эндел, как настоящий ангел, принес ей удачу, и скоро мать будет здорова.

Эндел, Эндел... если бы она была моложе! Если бы ты не был таким добродушным улыбающимся дурачком... Эх, никогда не бывает так, как хочется! И надо принимать жизнь такой, какая она есть. Хватит фантазий. Двадцать шесть лет – ни семьи, ни детей... хватит!

* * *

- Куда он ее потащил? Он что, напал на нее? Хочет загрызть?

- Хе-хе... глупенький! Он любит ее! Почему сразу - загрызть?

- Люди злые. Они всех убивают. Вот я и подумал...

- Злые. А ты пришел в город, хотя я тебе и запретил! Ну и вот как ты себя ведешь, а? Мы как с тобой договорились - через три месяца я к тебе прихожу и все рассказываю! А ты что сделал?!

- Я соскучился, братец! - ментальный голос гарма выразил обиду, хотя Щенок сам не знал, как это получается - чувствовать эмоции в беззвучном голосе. Вероятно, тот, кто передавал, специально накачивал эмоции в передачу. Или же Щенок незаметно для себя стал эмпатом, чувствующим настроение окружающих, особенно если те связаны с ним кровными узами.

- Ладно, ладно! - Щенок отбросил топор, шагнул к водосточной яме, уходящей под булыжную мостовую, туда, откуда светились желтые глаза гарма.

Холодный влажный нос ткнулся в щеку человека, и горячий шершавый язык облизал лицо.

- Наконец-то! - Рагх радостно рыкнул и еще раз прошелся по лицу человека красным языком. Понюхал воздух, поводя носом, и, коротко фыркнув, сказал:

- От тебя пахнет самкой! Ты нашел себе самку? Ты решил завести своего щенка?

И получил в ответ картинку: злобный человек, оскалившись, несет в вытянутой руке гарма, держа его за хвост. У гарма выпучены от страха глаза, он пустил струйку.

Рагх радостно зафырчал, отправляя такую картинку: человек бежит, вытаращив глаза, в его зад вцепился гарм с огромными зубами.

– Вот почему ты не любишь вопросов о размножении? – поинтересовался гарм. – Что такого? У вас, людей, какое-то странное отношение к этому делу! Я же просто спросил, интересно же! Я бы учил твоих щенков ходить под землей, охотиться, научил бы их нашей магии. Воспитал бы из них настоящих гармов!

– А сам-то?! – Щенок хохотнул и потеревил гарма за ухо. – Ты когда заведешь свою самку, сделаешь своего щенка?

– Рано еще. У меня еще пятна на шкуре не сошли, какие мне щенки! Мне эти самки вообще пока не интересны! Вот когда войду в силу... тогда – да! Самая лучшая самка будет моя! Я лучший лекарь, что есть у гармов! Даже сейчас. Мама сказала! А она никогда не врет. Вот подрасту, тогда...

– Чтобы подрасти, тебе нужно ходить там, где надо, и не лазить в город! – досадливо бросил Щенок, глядя на то, как к нему спешит Ламия. – Все, скройся, сюда идут! Ночью увидимся! Я буду ждать тебя возле горы, там, где становятся на стоянку корабли, у порта! Днем не появляйся, хорошо? Боюсь я за тебя. Не нужно, чтобы тебя видели! Уходи!

Гарм будто растворился в темноте дождевого стока, а за спиной Энда появилась запыхавшаяся девушка:

– Щен... хмм... Энд! Скорее беги в порт, найди купца Херга, срочно – мы согласны взять два мешка специй. Пойдем за мной – я дам тебе денег, рассчитаешься. И смотри, чтобы не обокрали! Следи за карманами! Возьмешь извозчика, привезешь. Да побыстрее, у нас сегодня будет банкет купеческой гильдии! Заказали на сорок персон, а мы не готовы! Скорее, поторапливайся! Да оденься поприличнее, не голышом! И вымойся, а то с черной шеей небось рубаху натянешь, потом не отстираешь!

Ламия повернулась и помчалась обратно в трактир – запыхавшаяся, потная, покрасневшая. Щенок улыбнулся, быстро, за пару минут сложил наколотые дрова в более-менее пристойную поленницу и, подобрав топор, положил его под навесом так, чтобы не намочило дождем.

Ламия зря говорила про черную шею – уж чего-чего, но у Энда, как выяснилось, имелась патологическая страсть к аккуратности. Все разложено по полочкам, все чистое, аккуратное – до отвращения, как сказала прошлой ночью Анга.

Девчонка из профессионалок, она положила глаз на Щенка сразу, как появилась в трактире, – молодая, лет около двадцати, не больше, худенькая, гибкая, как свежая лоза, страстная – до ненормальности. Анга пришла к Щенку десять дней назад и оставалась у него регулярно, через ночь, иногда чаще. Зачем ей это надо было? Девушке, которая зарабатывает тем, что занимается сексом с клиентами?

Щенок как-то спросил ее об этом, но она лишь хихикнула и щелкнула его по носу ухоженным, тонким пальчиком: «А тебе какая разница? Пользуйся, пока есть возможность, дурачок!» И он пользовался. Умело пользовался. Странно, но Щенок откуда-то знал, что и как нужно делать с женщиной. И делал это так, что девчонка кричала, визжала, стонала, зажимая рот шелковой рубахой и... приходила к нему при первой же возможности, будто наркоман за очередной дозой черной жвачки.

В трактире посмеивались – чем же приворожил опытную девицу этот малахольный? Но смеялись беззлобно – во-первых, Щенка на самом деле любили. Он готов был помочь всем, чем мог, отдать последние деньги, последнюю рубашку тому, кто в ней нуждался, со своей извечной полуулыбкой на загорелом, на удивление совершенном лице.

Во-вторых, все знали, что Щенок что-то вроде талисмана для хозяина и управляющей Ламии, и, если кто-то начнет плохо говорить об этом парне, – порвут, как гнилую тряпку!

Любили его и клиенты – в основном клиентки, они просили, чтобы их столик обслуживал именно Энд, говорили, что его добродушная физиономия настраивает их на хороший лад.

Вранье, конечно, большинство из них просто мечтали залучить паренька в свою постель и делали для этого все, что возможно, – задаривали подарками, оставляли огромные чаевые, от которых у других подавальщиков и подавальщиц просто скулы сводило от зависти. Пытались действовать и через хозяина трактира, требуя предоставить «особые» услуги юноши, но... безуспешно. Щенок будто не понимал намеков и прямых заигрываний, лишь улыбаясь в ответ на особо непристойные предложения, трактирщик же был прям и груб, посылая озабоченных дам и их посыльных туда, откуда все они когда-то появились.

Впрочем, степень «послания» зависела от социального статуса клиента или клиентки – только глупый трактирщик оскорбит сильных мира сего. Отказать можно и вежливо, не рассказывая в подробностях о странных сексуальных предпочтениях предков глупого клиента.

И он отказывал, придумывая какие-нибудь удобоваримые объяснения, – например, что парень совсем не любит женщин, что ему по сердцу мужчины (тут трактирщика аж перекашивало! Но что делать?!).

В общем и целом жизнь в трактире Щенку нравилась. Он был сыт, его никто не обижал, у него даже появилась женщина, с которой ему очень нравилось кувыркаться в постели и которая учила жизни – в промежутках между любовными упражнениями.

Щенок впитывал все, что ему рассказывали, чему его учили, с жадностью изголодавшегося путника. Он уже вполне сносно общался с людьми, многое понимал, а чего сам не мог понять, спрашивал у тех, кому доверял, – у Ламии, у Лайама, у своей шустрой подружки, не оставлявшей его своим вниманием. Он не гнушался никакой работы, а всем служебным занятиям предпочитал колку дров – ему было приятно чувствовать свою силу, здоровье, приятно нюхать запах свежей древесины, наслаждаться лучами солнца или дождевыми каплями, ощущать на коже прикосновение свежего ветра, прилетевшего с морских просторов.

Отсюда, со двора трактира, было видно море – голубое, сверкающее под солнцем и такое волнующее, что сердце начинало стучать, как топор дровосека. Особенно когда Щенок смотрел на север... Ему казалось, что там, на севере, за морем, что-то для него важное, то, что он забыл, но обязательно должен вспомнить. Обязательно!

И вспомнит. Когда-нибудь...

Щенок быстро оделся – свободные длинные штаны, белая рубаха, сандалии на босу ногу – все новое, качественное, украшенное строгой, но очень красивой вышивкой.

Энду все равно, в чем ходить, он относился к одежде довольно-таки наплевательски и мог бы вообще ходить голым, нагота его совершенно не

стесняла, но... голыми могут ходить только рабы, и то – только у совсем уж жадных хозяев, жалеющих денег для своего «разумного скота». Свободные люди ходили только в приличной одежде.

Одежда – это не только возможность укрыться от палящего солнца или ночного холода. Это еще и статус. Глядя на одежду, на украшения, можно понять, к какой социальной среде принадлежит человек. Покрой одежды, узоры на рубахах и штанах, оружие, его наличие или отсутствие, качество оружия – по всем этим приметам опытный человек мог сразу сказать, купец перед ним или дворянин, крестьянин или горожанин.

Довольно-таки удобная система, и Щенок понял ее быстро, можно сказать, с лету. Он вообще все понимал с лету, да так, что у Ламии и Лайама глаза на лоб лезли от удивления: мог с ходу повторить длинный текст, который прочитал на бумаге и запомнил с первого раза, мог повторить его даже через неделю. Подними посреди ночи, спроси – и он повторит слово в слово. Мог запомнить на слух такие сложные тексты, что другой и выговорить бы их не смог.

Оказалось, Энд прекрасно читает, пишет и считает, может в уме перемножать и делить такие числа, которые тот же трактирщик мог делить и перемножать только на бумажке, да еще и как следует над ними попыхтев.

* * *

Через двадцать минут, с увесистым мешочком на поясе, Щенок весело шагал по булыжной мостовой к порту, спускаясь по кривой улочке, петлявшей между массивными двухэтажными домами купеческого квартала. Светило солнце, одуряюще пахли крупные белые цветы на деревьях, растущих вдоль дороги, – эти цветы свисали гирляндами, и над ними жужжали сотни насекомых, погружая хоботки в вожденный сладкий нектар.

По улице шагали десятки людей, торопившихся по своим неотложным делам, катились тележки, телеги, возы, важно вышагивали вьючные караваны, охранники которых подозрительно осматривали прохожих на предмет злонамеренности, бегали и вопили мальчишки, стреляя шкодливыми глазами направо и налево. Большинство, как рассказали Энду, промышляли воровством и попрошайничеством, и не стоило обманываться их детским лицом и жалким видом – многие из них работали настолько виртуозно, что неосторожный

человек мог лишиться своих денег так просто и быстро, что не смог бы понять, в какое из своих недобрых мгновений он лишился прибыли за месяц работы. Ведь кошель был припрятан за пазухой, и только волшебство могло изъять его оттуда так, чтобы несчастная жертва не почувствовала руки вора.

Хорошо! Ноги несут быстро, душа поет, а в голове вертится песенка, что вчера слышал в трактире. Назойливая мелодия – трень-брень, трень-брень...

В порту забавно – огромные, будто надутые изнутри корабли, стоящие у причала, медленно, почти незаметно покачиваются на морской волне, отдыхая после бурь, исторгая из своего нутра бесчисленные мешки, ящики, бочки и корзины.

Десятки полуголых и совсем голых грузчиков носятся по сходням, снуют, как муравьи в муравейнике, перетаскивая на своих плечах все, что привезли в своих трюмах деревянные монстры.

Чуть поодаль, у других причалов, охраняемых солдатами, стоят боевые суда – остроносые, узкие, защищенные по бортам листами сверкающей на солнце начищенной меди. Грозно смотрят в небо поворотные стрелометы, способные выбросить стрелу длиной в рост человека и сбить ею даже дракона – если попадут в него, конечно. Камнеметалки, возле которых в специальных стальных корзинах лежат груды снарядов. Бойцы из экипажа корабля тренируются, звеня мечами, подбадривая себя громкими истошными выкриками. Все как всегда. Все как обычно.

Щенок был в порту уже не первый раз, а если точнее – пятый раз. Два раза с Лайамом. Три раза – самостоятельно. Этот раз – шестой.

Суэта! Крики! Шум!

Запах пряностей, шибящий в нос, запах дыма – сжигают опилки, куски бочек, ящиков, мусор.

Запах моря – водорослей, рыбы, особенно возле причала с рыболовецкими шхунами, пропитанными рыбным соком с днища до мачты.

Сейчас у причала всего две шхуны – видать, остались на ремонт, чтобы подновить потрепанные снасти, подремонтировать разбитое волнами снаряжение.

К ним подъехал возок с досками, и моряки вопят, размахивают руками, выторговывают скидки у красного от жары и ярости лесовозника – обычная картинка, повседневная жизнь.

Еще дальше, за высоким забором, стук молотков, визг множества пил – это верфь. Здесь строят корабли, отсюда они отправляются в плавание, чтобы когда-нибудь сгинуть в море или упокоиться на кладбище кораблей, за верфью, на берегу, там, где некогда гордые корабли, бороздившие океан, вспоминают свою бурную молодость и спят, медленно подтачиваемые временем и немилосердными древесными жучками. Старые корабли – любимое место обитания портовых «детешек», той самой шпаны, от которой нужно беречь карманы. Шустрые, как кровососущие насекомые, они так и ждут, чтобы облегчить твой пояс от излишних денежных накоплений!

Щенок оглянулся по сторонам, нашел взглядом портовые склады, оглянулся на море, чтобы еще раз насладиться видом водной глади, и внезапно замер, разинув рот, – такого он еще не видел! Откуда-то издалека, из-за порта, медленно, тяжело поднималась, летела стая самых необычных существ, которые он видел в своей жизни! Длинные, вытянутые шеи, на которых сидели уродливые рогатые головы, еще более длинные хвосты, раздвоенные на конце, прижатые к брюху узловатые лапы – задние, мощные, и передние, небольшие, похожие на руки.

Крылья впечатляли! Огромные, похожие на крылья летучих мышей, они закрывали солнце и сверкали, будто драгоценные камни! И сами эти существа сверкали, переливались, отблескивали чисто вымытой чешуей, прекрасные и странные, чуждые человеку больше, чем лесной зверь или морское чудовище. Откуда они взялись?! Как могут держаться в воздухе, при таком-то размере?!

Похоже, что последние слова Щенок сказал вслух, потому что кто-то рядом с ним ответил:

– Боевые драконы пятого подразделения. За портом у них казармы. На маневры полетели, тренируются. Никто не знает, как они летают, – только Создатель.

Магия какая-то, не иначе!

Щенок машинально кивнул, взглянув на говорившего, – мальчишка лет двенадцати, в забавном ярко-красном платке на голове, отвернулся и снова принялся разглядывать драконов. А они уже прошли над головой, уходя в сторону открытого моря, поднимаясь все выше и выше, так, что скоро стали казаться не огромными чуждыми пониманию тварями, а маленькими птичками, коих в небесах неисчислимое множество.

Возможно, что Щенок видел их и раньше, но принимал именно за птиц, не пытаясь особо вглядеться в силуэты пролетающих существ. Но теперь, когда драконы пролетели так низко над головой...

Были видны и наездники – они сидели уверенно, держа в руках что-то вроде поводьев, привязанных к рогам чудовищ. Похоже, что таким образом они управляли полетом зверей. И в сравнении с тушей дракона наездники казались маленькими-маленькими, как муха на спине собаки! Только это сравнение позволяло осознать размер невероятных чудовищ – они огромны! Когда читаешь о драконах в книгах, летающие ящеры кажутся чем-то далеким, фантастичным, сказочным. Прочитал, принял к сведению – и забыл. Но когда видишь их воочию – сердце трепещет, норовя выскочить из груди, а мозг будто засыпает, замороженный прекрасной картиной!

Звери растворились в небесной сини, Щенок вздохнул и... хлопнул себя ладонью по поясу, скрытому под подолом свободной рубахи, – на нем ничего не было! Вместо кошель, набитого серебрушками, – обрезанные кожаные ремешки!

Щенок подобрался, выкинул из головы все лишнее – драконов, столпотворение людей, все, что мешает чутью следопыта, крутанул вокруг оси и... вовремя! За толпой снующих туда-сюда грузчиков мелькнул знакомый красный платок!

Мальчишка бежал так, что не было сомнения – он спасается от кого-то или чего-то, или уносит что-то ценное, боясь, что его догонят.

Щенок рванул с места так, как когда-то бегал с гармом, – из всех сил, на пределе возможностей, «кто добежит первым?»!

Гарм обычно все-таки выигрывал, четыре ноги – это не две, четырехногие созданы для того, чтобы догонять и убегать, но в первые секунды человек обычно вырывался вперед, чтобы уступить уже на последних метрах, когда гарм входил в режим бега и был похож на черный сгусток темноты, мчащийся вдоль тоннеля. Впрочем, если бы не низкие своды тоннелей! Гарм был очень хитер. Инстинктивно хитер.

Здесь не было низких тоннелей, не было узких ходов, но и без того хватало препятствий – люди не успевали отпрянуть от мчащегося человека, приходилось их огибать, уворачиваться от них, толкать под вопли и ругань едва не сбитых с ног грузчиков, купцов и возчиков.

В одном месте пришлось перемахнуть через телегу с бочками так, что возчик только ойкнул и подавился вином, которое пил из горлышка бутылки. Мужчина долго кашлял, отсмаркивая рубиновую жидкость, хлынувшую в нос, и костерил проклятых придурков, отнявших у него добрую порцию вождеденного пойла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/evgeniy-schepetnov/demon>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)